

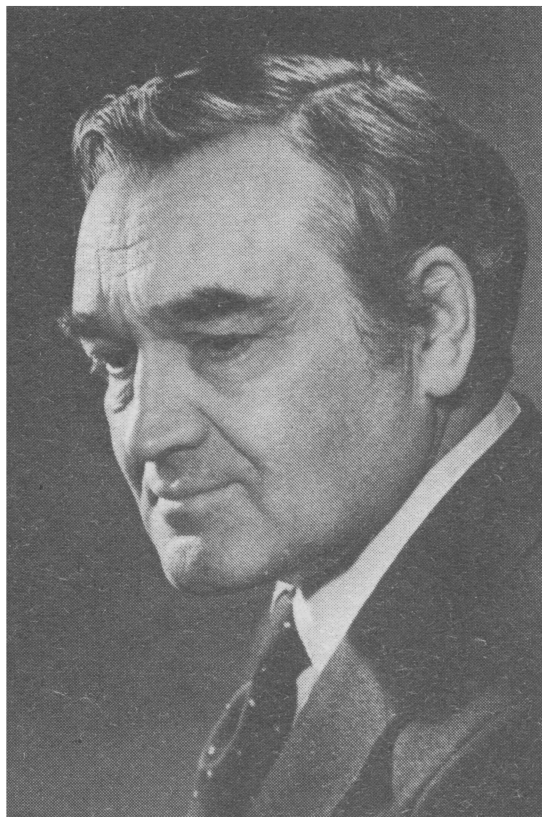
БИБЛИОТЕКА

ISSN0132-2095

№ 26 1991

МОСКВА

Сергей АНТОНОВ

ПЕТРОВИЧ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 26

Издается с января 1925 года

Сергей АНТОНОВ

ПЕТРОВИЧ

ПОВЕСТЬ

Москва. 1991

Сергей АНТОНОВ

Сергей Петрович Антонов родился в 1915 году в Петрограде в семье инженера-путейца. В 1938 году окончил Ленинградский автоторожный институт и в том же году стал работать преподавателем техникума. Воевал на «зимней войне» в 1939—1940 гг., на Великой Отечественной войне в составе частей 8-го Военно-дорожного управления ГДУКА (Волховский, Ленинградский, 2-й Прибалтийский фронты). За храбрость и мужество на фронте награжден орденами и медалями.

Литературной деятельностью начал заниматься в 1944 году.

Писал сначала стихи, затем — прозу. В 1947 году принят в члены Союза писателей. Сборник рассказов «По дороге идут машины» в 1951 году отмечен Государственной премией.

Рассказы и повести С. Антонова экранизированы в кино и на телевидении («Поддубенские частушки», «Дело было в Пенькове», «Порожний рейс», «Аленка», «Разноцветные камешки», «Дожди», «Васька», «Овраги» и пр.). Повесть «Петрович» написана в 1964 году.

С. Антонов избирался членом Правления Союза писателей СССР, депутатом Моссовета, работал в редколлегии журнала «Новый мир», вел творческий семинар на Высших курсах при Литературном институте имени А. М. Горького.

Кроме художественной прозы и очерков, С. Антонов пишет статьи на темы творческого мастерства (сборники «Я читаю рассказ» и «От первого лица»).

В воскресенье 28 июля 1957 года среди опаленных зноем полей, поднимая густую пыль, бежала по проселку легковая машина.

Высокое шасси вездехода придавало машине деловой вид, и, увидев издали выцветший кузов «Победы» на высоких каблуках, с бомбошками за стеклами, каждая колхозница знала, что в районе что-то стряслось и председатель райисполкома товарищ Дедюхин лично выехал на место.

Была середина лета, а на осинах уже мелькал кое-где золотой лист. Второй месяц белесые небеса не уронили на поля ни одной капельки, ни одной дождинки.

Горизонт накрывала сплошная чадная полоса. Где-то далеко, за железнодорожными путями, горели леса. Горьковатый запах гари чувствовали и в машине.

Рядом с шофером сидел сам Дедюхин, Яков Макарович, в шитом на заказ белом картузе. Козырек был захватан: Дедюхина знал весь район, многие уважали, и председателю исполкома приходилось часто здороваться.

Это был грузный человек с картофельно-бледным, кабинетным лицом, доживающий до шестидесяти лет — до пенсии. Он сидел, расстегнув ворот выходящей в то время из моды «сталинки», измученный зноем и духотой, и всю дорогу молчал.

Один только раз, услышав, как шуршат о колеса чахлые стебли кукурузы, он чуть обернулся и, глядя виском на сидящих сзади, спросил:

— Это чья бригада?

— Лопатина, — торопливо ответила пожилая девушка, колхозница Катя.

— Что же он, разбойник, кукурузу не скосил?

Катя промолчала.

— А? — спросил Дедюхин.

— Видно, Столетов не приказывал, — робко проговорила она, коря себя за то, что смалодушничала и выдала председателя колхоза, над которым и без того нависли тучи.

Дедюхин достал из кармана потрепанную газету «Известия», испсанную на полях, и, горестно вздохнув, приписал еще что-то.

Настроение начальства угнетало и остальных пассажиров, в особенности милиционера, румяного красавца с казацкими пшеничными усиками. Он неловко сидел между Катей и худощавым следователем, смущаясь своего огромного роста, и, надувшись, глядел на свои сапоги.

Следователь, опытный работник с большим стажем службы в прокуратуре, предчувствовал тот редкий, неприятный случай, когда придется наказывать в общем-то хорошего человека, и был недоволен, что именно ему досталось это тяжелое дело.

Он набрасывал в уме схему дознания и покорно прислушивался к знакомым сигналам язвенной болезни. Язву он заработал на нервной почве, да так в течение двадцати лет и не выбрал времени залечить.

Что касается шофера, то он вообще не переносил молчаливых рейсов. К тому же в радиаторе кипела вода, а левая задняя шина была на последнем издыхании. Хорошо еще, что мелкие речушки пересохли и можно позволить себе иногда переехать через русло, минуя горбатые мостики, кое-как схваченные скобами и коварными гвоздями.

Так бы они и ехали в тягостном молчании, если бы следователю не показалось, что у него мелькнула счастливая догадка.

Правда, догадка выглядела смехотворно, но надо учесть, что случай был не то что дикий, но не обыкновенный, не имевший прецедентов в делах районной прокуратуры.

Дело состояло в том, что председатель колхоза «Заря» Захар Петрович Столетов ни с того ни с сего приказал Кате собрать с приусадебного участка, принадлежащего молодому агроному Задунайской, все выращенные этой Задунайской овощи, затарить в мешки, свезти на склад и провести по бухгалтерии как колхозную собственность.

Задунайская, конечно, пыталась воспротивиться незаконному действию, но Столетов дошел до рукоприкладства и, как следовало из заявления Задунайской, оттолкнул ее с такой силой, что она упала навзничь. Пока Катя собирала огурцы, Столетов стоял у калитки и не пускал Задунайскую на ее личный огород.

В это время именно по этой деревне проезжал на велосипеде милиционер с пшеничными усами. Задунайская обратилась к нему за помощью. Столетов не подчинился милиционеру. Вместо того чтобы подчиниться представителю власти, председатель колхоза, как это ни странно звучит, отобрал у него наган. Вот по этому, последнему пункту у следователя и появилась дополнительная догадка.

— Итак, — повернулся он к милиционеру. — К вам обратилась за помощью Задунайская. Как вы реагировали?

— Ну, дал свист, — протянул милиционер.

— Это вы уже говорили. Дальше...

— Стал призывать Петровича к порядку. Стыдить стал. В общем, как положено, сперва действовал средствами убеждения.

— Средствами убеждения, — вежливо, как учили, поправил следователь. — И помогли эти средства?

— Не помогли.
— Тогда вы...
— Да я же докладывал... Ну, погорячился немного.
— В чем это выразилось?
Милиционер молчал и смотрел на пол.
— Вынули наган? — напомнил следователь.
— Вынул.
— Стали угрожать Столетову оружием?
— А что мне было делать, если он не реагировал.
— А дальше...
— А дальше он у меня взял наган, — стараясь перескочить неприятные подробности, выпалил милиционер, — а я поехал в район.
— Погоди, погоди... — протянул Дедюхин, вытирая платком шею. — До района еще далеко. Кто взял наган?
— Петрович. Кто же еще посмеет?
— Как же это он ухитрился?
— Взял — и все.
Катя, не удержавшись, приснула в ладошку.
— А ты сиди, — дернулся милиционер. — Чего тебе тут — цирк?
— Он вас разоружил? — не отставал следователь.
Катя старалась не смотреть на милиционера, вспотевшего от напряжения неловкости. Ей было жалко его и смешно.
— Применил силу? — помог следователь. — Прием какой-нибудь? Самбо?
— Нет.
— А как же?
Милиционер покосился на Катю.
— Как до этого места добираемся, так его столбняк бьет, — проворчал Дедюхин. — Как же ты, такой здоровенный Илья Муромец, наган отдал? Как он выхватил?
— Он не выхватывал. Он глянул на меня и сказал: «Дай наган».
— Крикнул? Замахнулся?
— Нет. Тихо сказал.
— И вы отдали?
— Отдал.
Катя снова хохотнула, не удержавшись.
— Может, жара сморила? — не отставал Дедюхин.
— Сам не пойму. Глянул он на меня — и рука сама потянулась. Глаз у него такой.
— Может, гипноз? — осторожно спросил следователь.
— Не знаю. От его глаза, говорят, трактора глохнут.
— Да, история. Где же теперь ваш наган?
— Не знаю. Я сел на велосипед и поехал в район.
— Эх ты, антидюринг! — вздохнул Дедюхин и отвернулся. И снова уже до самой деревни в машине воцарилось молчание.

Машина выехала на широкую деревенскую улицу и, мягко попрыгивая, покатила мимо очумевших от зноя кур.

Издати, из окон большой, разукрашенной подвесками с резьбицей избы, неслись густые звуки баяна. Играли фокстрот.

Дедюхин совсем помрачнел. Судите сами: в засушливые июльские дни, когда от жары повсеместно снизились удои, когда горят хлеба и не выполняются государственные планы по сенокосам, когда все районное руководство мобилизовано поднимать тружеников сельского хозяйства на преодоление трудностей, в колхозе «Заря» с самого утра не работают, а пляшут западные фокстроты.

Изба, в которой шло веселье, стояла недалеко от правления — двора за три.

У открытых настежь окон, уцепившись за подоконники, гроздьями висели рябтышки. Внутри дробили каблучками, смеялись, пели вразнобой. С крыльца спустился парень, в черном костюме, с завитыми волосами, и пошел зигзагами прямо под машину, напевая:

Выйдет вечерочком
Девушка в сорочке,
Сразу жизнь становится иной.

Пришлось затормозить.

Парень мутно посмотрел на Дедюхина и направился дальше.

— Свадьбу играют, — пояснила Катя. — Лопатин.

— Ишь, как ему приспичило!..

Дедюхин вздохнул, записал что-то на полях газеты и скомандовал было ехать дальше, но к нему, раскинув руки, уже бежал лохматый старичок и кричал кочетом:

— Батюшка! Яков Макарыч приехал! Молодых проздравлять!.. Вот оно где, счастье-то! Вот она где, радость!

Как ни был сердит Дедюхин, он все же решил зайти на минутку, оказать уважение. Все-таки женится не кто-нибудь, а секретарь колхозной партийной организации Юрий Лопатин — лучший бригадир колхоза «Заря».

Веселый гул приветствовал Дедюхина, когда он появился в душевой, прокуренной до потолка, забитой гостями горнице.

Во главе длинного, составного стола, блистая глазами и улыбкой, сидела невеста — Любаша, молоденькая, почти девочка, в фате и белом платье, с пушистым от пудры лицом.

Жениха не было.

В углу, на особом столе, для всеобщего обозрения навалом были выложены подарки молодым: скатерти, радиолы, сервиз из Германской Демократической Республики, чешские туфельки, электрический чайник, электрический утюг с термостатом, книжка «Королева Марго». В качестве тонкого намека на толстое обстоятельство кто-то поднес соску.

Уже по одним подаркам можно было судить, как поднялся колхоз за два последних года, когда во главе поставили Захара Петровича Столетова, как разбогатели колхозники.

Увидев Дедюхина, Любаша сорвалась с места и бросилась ему подавать. И хотя худущая, как мощи, бабка Ниловна шипела на нее, чтобы села на место, что невесте так держать себя не положено, Любаша, видно, не понимала еще своего высокого сана — сама очистила место на утратившем чинность столе, сама поставила перед Дедюхиным тарелку и чарку, сама постлала ему на колени чистый утиральник.

— Вовсе закона не понимает, — ворчала Ниловна. — Все не как у людей.

Предстоящее неприятное дело тяжелым грузом лежало на душе Дедюхина, и он спросил, оглянувшись:

— А Задунайская где? Агроном где?

— Дома, — отвечал чей-то схищенный голос. — Лежат. У них на-сморк...

Молодая агрономша, прибывшая месяца три назад из области, еще не нажила авторитета. Ее не любили.

Дедюхин подумал, что, прежде чем разбираться со Столевым, было бы полезно поговорить с Лопатиным.

— А жених где? — спросил он.

— На ферму отлучился.

— То-то вижу, невеста тоскует... — пошутил председатель исполкома.

— Прямо тоскую! — откликнулась Любаша, и улыбка так и брызнула со всего ее милого лица. — Я ведь еще и не люблю его, Яков Макарыч!

Дедюхин собрался было уточнить непонятную ситуацию, но Ниловна уже подносила ему граненый стакан самогонки и перламутровую се-ледочку.

— Ни-ни-ни. — Дедюхин заслонился обеими руками и отвалился назад. — Доктор сказал: после первой рюмки — карачун.

— Может, пугает? — усомнилась Ниловна.

— Может, пугает. А лучше не проверять.

— Истинно, истинно... Лучше не проверять, — говорила Ниловна сахарным голосом. — А все-таки откушайте, молодых не обижайте.

— Нет уж. Никак не могу. Кваску с ледком — другое дело...

Он прихлебывал кислый, пахнувший погребом квас и с улыбкой наблюдал за Любашей: как она срывалась с места услужить гостю или по-

плясать с подружкой, как украдкой показывала язык ребятишкам, которые, повиснув на окнах, хором запевали дразнилку: «Тили-тили тесто, Любка невеста», — и легче становилось у него на душе, и какими-то путыми казались все его хлопоты.

А когда Любаша, раскрасневшаяся, горячая, снова села на свое место, он спросил ее озабоченно:

— Почему же ты не любишь такого молодца?

— Не знаю. Боюсь его. Дурочка еще.

— Чего же выходишь?

— Захар Петрович велел.

— Вон как у вас дело поставлено, — удивился Дедюхин.

— А чего? У меня, кроме бабки Ниловны, никого нету. А Захар Петрович говорит — выходи... Уважать Юрия Андреича — уважаю, а чтобы полюбить — этого еще нет... Вот беда! Наверное, еще не научилась.

— Он научит, — ухмыльнулся Дедюхин, прихлебывая квасок.

— Прямо научит! — опустила глаза Любаша.

— Ты тише, — остановил ее Дедюхин, увидев в дверях жениха.

— А чего тише! Он знает.

Юрию Лопатину было двадцать восемь лет, но парень он был серьезный не по летам. По случаю свадьбы на нем была надета новая черная тройка и белый галстук, а на плечах и в русых волосах виднелись самодельные треугольные конфетти, которыми только что осыпали его дежурные свинарки на ферме.

Он бесцеремонно протолкался сквозь пляшущих и рукой остановил двух танцующих женщин.

— Ты, Варя, что же это, подсосным маткам барду скармливаешь?

— Не ко времени разговор, Юрий Андреич, — потупилась стройная колхозница.

— Не ко времени, а поросята от барды поносят, — словно на пишущей машинке, отпечатал Лопатин и пошел на свое место.

— Горько! — возгласил лохматый дедушка. — А ну, Яков Макарыч, за жениха!

— Нет, отец, уволь... А ты, Юрий Андреич, не обижайся. Были времена, пил, как суслик, не просыхал...

— Как тут удержаться! — подхватила Ниловна. — Начальство. Каждый старается подольститься. А может, лафитничек? А? Под огурчики? Только с подполицы? А?

— И под огурчики не могу... Мотор пошаливает. Микроинфаркт.

— Ну, это еще не болезнь! Вот у меня болезнь так болезнь, — хвастала Ниловна. — Артшез называется. Артшез! Во какая болезнь. Бывает, ноги то не идут, а то побегут — не остановиться. А то бывает...

— Яков Макарыч, скажите председателю, чтобы он меня не усылал.

— А куда он тебя усылает?

— На курсы. На зоотехника учиться.

Дедюхин внимательно оглядел брошенную по-девичьи на грудь ко-су, задубелое от ветра лицо, тугую кофточку, стройные ноги в новых туфельках.

— Постой, постой... Петрович у тебя в избе стоит?

— У меня.

— Гм-м... Губа у него не дура. Давно?

— С осени. С Октябрьских...

— Ты ему что же... и стряпаешь, и стираешь?

— И стряпаю, и стираю,— с готовностью кивала Варя.

— И прочее?

— И прочее...— кивнула Варя, но спохватилась и покраснела.— Как вам не совестно, Яков Макарыч?

— Ничего. В порядке шутки. И теперь он тебя усыляет?

— Усыляет.

— Хорош гусь! — Дедюхин вздохнул и записал что-то на полях газеты.

— И чего она на него позарилась,— ворчала между тем Ниловна.— С мужиком в избе тоже не сладко. То есть ему подавай, то пить, то есть.

— Больно огнеупорный наш Захар Петрович,— довольно громко сказал Дедюхин.— Как бы ему с колхозом не распрощаться.— И с любопытством взглянул на Варю.

— Это почему? — Она беспомощно оглянулась.— За что?

— А ты об нем не тоскуй. Баба выпуклая. Найдешь постояльца.

— Как же так?— продолжала пораженная Варя.— Вы же его сами рекомендовали, сами на собрании хвалили...

— Уважаешь ты его,— ухмыльнулся Дедюхин.

— Неужели нет! — вырвалось у Вари. Она снова покраснела и смолкла.

— А его весь колхоз уважает,— пришла к ней на помощь Любаша.— Раньше нищие были, а при нем часики завели, в штапелях ходим!

И она украдкой взглянула на жениха, стараясь угадать по его взгляду, так ли сказала.

— Это не его заслуга, а заслуга партии,— заметил Дедюхин.

— А мы партийного и хвалим! — подхватила Любаша и снова взглянула на жениха.

— Ты меня не учи! — вдруг вроде бы ни с того ни с сего рассердился Дедюхин.— Своего мужика учи! А у меня, кроме вашего председателя, еще сорок! У меня радиус ответственности сто километров, к вашему сведению...

Он любил напоминать о своей ответственности и, подобно некоторым другим недалеким начальникам, был убежден, что, не будь его на свете, в радиусе ста километров все пошло бы прахом.

Зойкин сынишка Федька разыскал Захара Петровича на поле третьей бригады и стал кричать, что подъехала легковушка и председателя срочно требуют в правление.

Столетов досадливо поморщился.

Он понимал, конечно, что история с агрономшей добром не кончится, но то, что начальство приехало слишком быстро — на следующий день после происшествия, — ему не понравилось. Боялся он не за себя. Он опасался, что Дедюхин увидит нескошенную кукурузу, начнет командовать, навредит хозяйству.

Столетов еще раз окинул взглядом желто-коричневые стебли, изнывающие от зноя, ломкие, треснутые листья, сухо шуршащие под горячим ветром, и зашагал быстро и решительно, словно кладя печати своими поношенными рыжими «кирзами».

Это был худощавый снежно-седой человек. Но, несмотря на его седину и строгие морщины, несмотря на опущенные, припухшие веки, больше сорока лет ему не давали, хотя он подбирался уже к пятому десятку.

В нем сохранился неистраченным большой запас озорной молодости: ходил он легко и стремительно, и под опущенными веками молодости сверкали пронзительные глаза.

Он шагал к деревне, размахивая руками и как-то странно сложив губы. Если внимательно вслушаться, можно было разобрать, что он довольно верно насвистывает: «Наш паровоз, вперед лети, в коммуне останься» — мотив своей комсомольской юности. Впрочем, свист был такой тихий, что больше походил на шипение.

В правлении колхоза председателя ожидали следователь и милиционер.

Захар Петрович протянул каждому свою большую моластую руку и улынулся, блеснув стальными зубами. Потом он очистил письменный стол от бумаг, папок и журналов, усадил следователя на свое председательское место, а сам сел против него на табуретке в трех метрах.

Следователь вынул из кармана старенькую вечную ручку, отвинтил колпачок и задал первые обыкновенные вопросы. Потом спросил, судился ли гражданин Столетов раньше.

— Судился, — отвечал Столетов. — Дали двадцать пять и пять по рогам.

— Двадцать пять лет, — спокойно записал следователь. — И пять лет поражения в правах. Так. В тридцать седьмом, конечно?

— В тридцать седьмом. А в пятьдесят четвертом реабилитировали.

— Вот и хорошо. И нечего вспоминать об этом.

— Семнадцать лет отдыхал. Забыть трудно.

Столетов опустил голову и уставился в пол. Следователь сочувственно поглядел на его снежно-белый затылок, обвел взглядом кабинет. Кабинет в какой-то мере отражал характер председателя. Чистые, беленые

стены не были ничем украшены. Только против окна висели барометр и политическая карта мира. Бросалась в глаза категорическая табличка: «Здесь не курят». Табличку, видно, слушались — в кабинете было светло и чисто, как в жилой горнице. На подоконнике стоял маленький колючий кактус.

— Мы знаем, — сказал следователь, — что вы сидели ни за что.

— Почему ни за что? — усмехнулся Столетов горько. — Ни за что десятку давали. А я — балалайка.

— Языком много болтали? — спросил следователь.

— Песенки играл.

— Какие песенки?

— А вот какие:

Жизнь счастливая у нас,
Черный хлеб да белый квас.
Заработал трудовень,
Куда хочешь, туда день.

— Обратно дурака валяешь?! — закричал с порога только что вошедший Дедюхин. — Здорово, товарищ Столетов! До белых волос дожил, а все частушки играешь!

— Не мешай, Яков Макарыч, — сказал Столетов. — Для тебя-то я еще товарищ, а для него уже гражданин.

Следователь нахмурился и спросил Захара Петровича о его семейном положении.

— Холост, — улыбнулся Столетов. — Жених еще.

— Врешь! — шутливо погрозил пальцем Дедюхин. — А Людка?

Столетов снова опустил голову.

Вот оно, черное пятно на его совести. Дело давнее: был тогда Столетов бравым парнем: активный селькор, член колхозной ячейки. И звали его не Петрович, а Захар, а то и Захарка. Как-то на танцах вскружил он головку семнадцатилетней Людке и тайком увез ее от родителей к себе в деревню.

— Что за Людка? — поинтересовался следователь.

Столетов кратко объяснил: единственная дочка редактора областной газеты. Каша заварилась крутая. Отец увез Людку домой с милицией и отобрал у нее паспорт. А она неизменно убегала обратно к Захарке.

— А в тридцать седьмом меня взяли, и на этом оборвалась наша счастливая семейная жизнь, — закончил Столетов. — И расписаться не успели. Где она теперь — не знаю.

— Разыскивать не пробовали?

— В таких делах нужна охота не только искать. Нужна охота и отыскиваться.

Следователь переглянулся с Дедюхиным и решил сменить тему.

— Мы, пока ехали к вам, толковали... Может быть, если агроному Задунайской вернуть овощи, она отзовет свое заявление...

— Это что же? Дедюхин посоветовал? — насторожился Столетов.

— Не дури, Захар, — устало протянул Дедюхин. — Для твоей же пользы.

Столетов поднялся. На его челюстях дергались желваки.

— А ты что! Что за партизанщина! — корил его Дедюхин, подаваясь на всякий случай к порогу. — Личные огороды грабишь, оружие изымаешь... Смотри...

Следователь решительно сунул ручку во внутренний карман пиджака, вышел из-за стола и встал, загораживая дорогу.

— Отойдите, — дружелюбно попросил Столетов.

Следователь побледнел, но с места не сошел.

— А ну, сойдите с пути, — повторил Столетов, глядя на него в упор.

Следователь не выдержал и сделал шаг в сторону. Но сразу же взял себя в руки.

— Гражданин Столетов! Я буду вынужден взять вас под стражу! — произнес он спокойно.

«Действуйте», — кивнул он милиционеру.

Милиционер, оглядываясь по сторонам, сполз с подоконника и неожиданно для себя сказал жалобно:

— Отдайте, пожалуйста, наган, Захар Петрович.

— Тебе наган? — угрожающе протянул Столетов. — Ну ладно.

Он медленно опустил большую руку в карман потрепанных брюк.

— Не дури, Захар, хуже будет! — Дедюхин попытался и отворил дверь в сени. — Мы не шуточки шутить прибыли.

Столетов озорно подмигнул, вынул из кармана большой ключ и пошел к несгораемому шкафу.

— Держи, — сказал он, доставая из шкафа наган. — Небось, вчера не понадобился?

— Не понадобился! — кивнул милиционер, радостно заправляя оружие в кобуру.

— То-то. В нашем районе, кроме командировочных, стрелять некого.

— Остановитесь! — крикнул следователь.

Но Столетов прошел мимо шаркнувшего от него Дедюхина, и дверь за ним хлопнула.

— Гражданин Столетов! Предлагаю вернуться! — повторил следователь, утирая пот со лба, и, обратившись к милиционеру, добавил раздраженно: — Что же вы! Задержите!

Милиционер беспомощно оглянулся и, проверив, надежно ли застегнута кобура, вышел на крыльцо.

Перед крыльцом правления под бьющим в отвес солнцем молча стояли колхозники, человек двадцать, — и молодые, и пожилые, и старые. Некоторые были выпивши — эти прибежали со свадьбы.

Между ними медленно, словно задумавшись, шел куда-то Столетов. Милиционер покосился по сторонам и не сходя с места коротко свистнул в свисток с горошиной.

Столетов словно оглох — даже не обернулся.

— Петрович, — остановил его парень с баяном. — Надо бы правление собрать.

— Почему не на свадьбе? — вскинул на него глаза председатель.

— Болтать стали, будто забирают вас. Вот я и прибег.

— Заберут — выпустят. Ступай — музыку играть.

— Ну да! А мы как же! — заговорили в толпе. — Не дадим мы тебя! Никуда мы тебя не пустим!

Милиционер поправил на голове форменную фуражку, застегнул воротничок и спустился со ступенек.

— А ты его не тронь! — закричали женщины. — Это агрономша цельное кадило раздула... Неужели ему теперь пропадать из-за этой никудышки!

— Агрономша, а гусей боится!

Но милиционер все-таки пробился сквозь толпу, догнал Столетова и тронул его за локоть. В эту минуту подскочил выпивший дедушка и взмолился:

— Замиришь ты с этой заразой, Петрович. Бог с ней! Кто тебе дороже — мы все или твоя личная спесь?

Столетов поглядел на него, подумал и свернул в другую сторону. Милиционер тронулся было за ним, но женщины стали дергать его за китель, зашептали:

— Обожди! Подался! К агрономше пошел!

Действительно, Захар Петрович шел к Задунайской. Он шагал, задумавшись и чуть слышно насвистывая. И если прислушаться, можно было разобрать попадающую в такт его шагов мелодию: «Наш паровоз, вперед лети...»

4

Задунайская лежала на низком широком матрасе и довольно умело перерисовывала на голубой листок блокнота фасон рабочего платья из «Крестьянки».

По случаю жары она была в легонькой прозрачной блузке и в тугих бесстыдных брючках.

Увидев председателя, она отложила блокнот на трехногий столик и усталилась на нежданного гостя.

Почти четыре месяца — с того времени, когда она поселилась у одинокой снохи бригадира Костикова, председатель не заходил сюда и сейчас с любопытством обвел горницу взглядом. Все было по-старому: стены чистенькой, оклеенной обоями комнатки были увешаны древними фотографиями несметной родни, гипсовыми кружочками с картинками,

в углу темнела большая икона, на которой был нарисован то ли Божий лик, то ли Богородица.

А в углу Светланы — все иное: низкий гладенький столик, на матрасе — покрывало с яркими разноцветными ромбами, а над подушкой удивительная картина — молодая женщина с длинной, как нога, шеей и с глазами без зрачков.

С самого приезда Дедюхина и до сей поры Столетов ни на минуту не задумался о себе, о своем поведении, о неизбежном наказании, которое его ожидает.

И во время допроса, и в толпе колхозников, и по пути сюда он настойчиво и зло ломал голову над тем, как доказать Задунайской, что она натворила, каким способом растопить ледяное сердце этой девчонки, чтобы она почувствовала не удовольствие от того, что его снимут с председателей, а стыд, срам, чтобы она ужаснулась. Что он должен сделать для этого — не как начальство, а как человек, — какие найти слова, какие поступки?

Он поглядел на изображение длинношейей женщины, повешенное словно в насмешку над всем дорогим ему, милым, родным, деревенским, и почувствовал, что пришел напрасно.

Но повернуться и уйти, не сказав ни слова, было бы глупо.

— Зачем вы к нам приехали? — проговорил он хрипло.

— По семейным обстоятельствам, — ответила Светлана. — Меня выгнал муж.

В ответе Столетов уловил вызов и насмешку и, не вытерпев, усмехнулся.

— Правильно сделал.

— Конечно, правильно, — кивнула Светлана. — Я застряла в лифте с любовником.

— Вот и жили бы у любовника! — почти крикнул Столетов, выходя из себя оттого, что, как ни старался, не чувствовал к ней никакой злобы.

— Что вы! — спокойно и даже как-то доверительно проговорила Светлана. — Он не может прокормить своего единственного глиста. Хотите кофе?

Столетов взглянул на нее с сожалением.

— А знаете, вы пропадете.

— Нет. Я не пропаду. Я уже пропала.

— Вам нужно семью.

— Семью? — удивилась Светлана. — Это детей, что ли?

— По крайней мере настоящего мужа.

— А где его найдешь, настоящего? Красивых замуж брать опасаются. Боятся начальства.

— А вы красивая?

— Конечно, красивая... — Она оживилась и села. — Когда вы меня ударили и я упала, а вы у милиционера забрали пистолет, я подума-

ла — вот это мужик! С большой буквы. А оказывается, и вы такой же — штампованный. Ну ладно, читайте мораль.

Она набрала в пипетку лекарства и, запрокинув голову, стала капать в ноздри. Столетов молча наблюдал за ней и, когда она закончила свою процедуру и откинулась на подушку, сказал:

— Я пришел не по своей воле. Я пришел от артели. И вот вы — член этой артели, молодая, здоровая баба, вынуждали такого же равноправного члена нашей артели — старуху, страдающую ревматизмом, гнуть спину на вашем приусадебном участке.

— Я ей обещала урожай с целой грядки...

— Она вам вырастила шесть грядок, а вы ей одну? Помещики крепостным больше давали.

— Ниловна пришла ко мне работать не от хорошей жизни. У нее есть нечего. Ваш колхоз не может ее прокормить.

— Она почти не работала.

— Она больна.

— Если вам ее жалко, пойдите к ней на огород и помогите.

— Что? Полоть? — удивилась Светлана. — Да вы что, смеетесь?

— Чудеса, — развел руками Столетов. — В пятьдесят седьмом году у нас в колхозе помещица поселилась. Салтычиха. Эксплуататор.

— Давайте уговоримся без латыни.

— Давайте уговоримся. Вы — эксплуататор. А Ниловна — эксплуатируемая. В пять часов утра, когда вы дрыхли, больная, одинокая старуха батрачила на вас. Что она думала, когда за километр таскала воду на ваш огород? Мы ей доказываем, что она хозяйка земли. Пока у нас не явится это чувство, ни один колхоз не выживет. А вы что наделали?

— Это была ее инициатива. Мы с ней добровольно договорились.

— Так вот, поскольку Ниловна наотрез отказалась разговаривать со мной, прошу сообщить, сколько она у вас отработала, чтобы начислить ей трудодни, как положено по уставу.

Столетов вырвал из блокнота листок, на котором было нарисовано платье, открыл перед Светланой чистую страницу, достал из кармана ручку и положил на столик.

— Напишите подробно, — продолжал он жестко. — Такая-то отработала на моем приусадебном участке столько-то дней, в том числе перетаскала навоза столько-то, прополола столько-то, таскала от реки воду столько-то ведер...

Светлана попыталась подняться, но он схватил ее за руку у плеча.

— Больно! — спокойно предупредила она. — Одичали там, в своем Магадане... Что уставились? Я не милиционер — не испугаюсь.

Она отошла к зеркалу поправить прическу.

Столетов спохватился. Вместо того чтобы возмущаться, он любовался яростью этой девчонки. И она, кажется, заметила это.

— Я буду ждать от вас справку до восьми вечера, — сказал он сурово.

- До восьми ноль-ноль? Почему такой жесткий срок?
- Мне нужно торопиться. Если справки не будет — приму меры.
- Интересно, какие?
- Вызову родителей.

Светлана даже оступилась от изумления.

— Вызову отца! — твердо продолжал Столетов. — Судя по вашему поведению, вы находитесь еще в том возрасте, когда следует вызывать родителей.

— Мне двадцать лет, к вашему сведению.

— Это не имеет значения. Я был учителем и чувствую, кому сколько лет. Пожалуй, только отец повлияет на вас.

— У меня нет отца.

— Тогда мать.

— Вы что, серьезно?

Столетов бережно завернул колпачок на ручку и вышел. Светлана озадаченно посмотрела на хлопнувшую за ним дверь и неуверенно произнесла:

— Свистун!

5

Ночевал Дедюхин в избе своей родственницы, замужней племянницы Зои. Хозяйка уступили ему широкую деревянную кровать с периной, а сами ушли на ночь в сарай, на сено. От жары и духоты, от кислого запаха подушек Дедюхин долго не мог заснуть, ворочался, обдумывал, кем заменять Столетова. Мало кадров в районе. И вся эта история не ко времени: только что было принято решение об улучшении условий молодых специалистов, пришедших в сельское хозяйство, только что обком затребовал сводку о ходе косьбы. А тут в дополнение ко всему — дикий случай с миллионером, случай, который не сегодня-завтра станет притчей во языцех.

Столетова, конечно, придется снимать. Самое малое. А когда станут снимать, припомнят, конечно, что рекомендовал его в председатели артели не кто иной, как Дедюхин... Нехорошо.

Задремал он под утро, когда мимо окон гнали стадо, и проснулся поздно.

В пустой избе было темно. Чтобы мухи не беспокоили городского гостя, Зоя закрыла ставни.

Дедюхин посидел на перине, послушал, как тукает сердце, вздохнул, натянул диагоналевые полугалифе и босиком вышел во двор.

Горелая земля жгла пятки. На пути, растопырив крылья, дремала курица с разинутым клювом.

Дедюхин переступил через нее, направился умыться.

Зоя не позабыла о высоком госте: рукомойник был полон, на гвоздочке висело чистое, глаженое полотенце.

Рукомойник был неудобный, глиняный, похожий на чайник. Он висел на проволоке, и его нужно было то и дело наклонять, чтобы из носика вытекала вода. Сколько раз одинокий Дедюхин деликатно намекал и племяннице и ее мужу, что посодействует им перебраться в районный центр на постоянное жительство. Все-таки в городе культура, а здесь что? Глиняный рукомойник на проволоке, а больше и нет ничего. Муж поддавался, но Зоя не решалась бросать родную деревню, и теперь, когда колхоз пошел в гору, уговорить ее вовсе не было возможности.

Брезгливо обходя куриный помет, Дедюхин сошел на приступочку, умылся протivной тепловатой водой, покушал утreshнего молочка с черным хлебом.

Потом он побрился и смазал щеки одеколоном, который всегда возил с собой в портфеле.

Следователь уехал в город, и машина еще не вернулась.

Пришлось идти на кукурузу пешком.

Солнце жгло. И земля, и кусты, и деревья, и травка между колесами — все тосковало по дождю. Небо было белесое и пустое. На горизонте струилось плотно-прозрачное, как глицерин, морево.

Кукурузу посадили в этих местах впервые. Жалкое зрелище представляла она. Стебли были не выше колена. Остроконечные листья обвисли и трескались вдоль волокон.

Несколько женщин, укpывшись до глаз платками, бродили с тyпками в междурядьях.

— Что делаете, бабочки? — спросил Дедюхин.

— Окучиваем, — отозвалась одна из них без охоты.

— Неужели не видите — лист сгорел, а вы окучиваете. Есть указание не окучивать, а косить.

— Нам что прикажут, то делаем.

— Где Столетов?

— Тут был... Знать, на четвертое поле поехал.

Дедюхин пошел туда, но закололо сердце, и ему пришлось передохнуть в заброшенном шалаше.

На четвертом поле кукурузу тоже косить не собирались.

Это было безобразие. Это было прямое невыполнение указаний вышестоящих организаций. Помимо того, что в создавшихся условиях, скосив остатки зеленой массы, можно спасти некоторое количество кормов, косяба кукурузы имеет и политическое значение. Если дожидаться осени — колхозники получают вместо зерна и зеленой массы труху и мусор, а тогда, в будущем году, сеять королеву полей сам Господь Бог их не уговорит. А если косить сейчас — засуха все спишет, и на следующий год можно будет начать сначала.

Побродив по пустынному, занемогшему полю, Дедюхин решил искупаться.

На берегу, в тени ракиты, голые парни играли в домино. Стиранные майки и штаны висели на ветках.

По черным рукам Дедюхин определил — трактористы. Неужели это те самые, которых он с таким трудом выбил для «Зари»? Неужели это ребята — комсомольцы, пообещавшие косить весь световой день, потому что за дефицитными косилками стоят в очереди десятки колхозов.

— Вы из МТС? — спросил он с детским недоумением.

Один из парней кивнул и отдулся.

— А где косилки?

— Стоят косилки.

— Почему стоят?

— Хозяин косить не дает.

— Где он! — крикнул вдруг Дедюхин. — Почему сидите! Почему...

Возмущаясь, он обыкновенно терял верный тон и сбивался то на крик, то на слишком тихий голос.

— Мы докладывали. В МТС звонили.

— Ну и что?!

— Говорят, пишите акт.

— Ну ладно, — сказал Дедюхин.

У него снова закололо сердце.

Там, в районных кабинетах, каждый день с утра до поздней ночи заседают, ломают голову, как выправить положение, как сохранить поголовье скота, как выйти на зиму с кормами, а тут — домино. Ровно на другой планете. Будто не их касается!

В деревню он вернулся часам к шести вечера, измученный и усталый.

Там его ждала новая неожиданность.

У Лопатиных все еще гуляли.

Из открытых окон долетали звуки радиолы, пьяный смех, drobный перестук каблучков.

— Ну, это уж не в какие ворота не лезет! — сказал сам себе Дедюхин и пошел в избу.

В горнице было жарко, как в бане. Свадьбу играли второй день.

Весь цвет колхозного руководства во главе со Столетовым веселился. Столетов сидел выпивши. На шее у него висела соска.

Длинный стол был застлан дареной скатертью, и дареные тарелки из Германской Демократической Республики давно были в ходу. Видно, Любаша не отличалась бережливостью.

Захмелевшая Варя, помахивая платочком, визжала частушку. Вокруг нее плясали Юра и Любаша.

— За кем закреплено четвертое поле? — спросил Дедюхин, усаживаясь рядом со Столетовым. — Кто бригадир?

— Жених бригадир, — ухмыльнулся Столетов.

— Что же он себе позволяет? Кукурузу косить не начал?

— Вроде не собирается.

— Это тоже твоя инициатива?
— Это его инициатива.
— Как же так? Все горит. Зеленая масса превращается в прах...
— Тебе что — агрономша нашенптала?
— Сам видел, горит кукуруза — вспыхнул Дедюхин. — Лично!.. А вы тут пляшете... В «Труде» вон уже откосились, рапортуют...

— А завтра дождь, — сказал Столетов.
— Что?! — Дедюхин вылупил на него глаза.
— Завтра дождь будет, — повторил Столетов с усмешкой. — Наша кукуруза поднимется, мы силос на зиму заложим. А в «Труде» по вашему нажиму скосили — ничего не возьмут. Не знаю, похвалят ли они вас...

— Нажим не наш, а указание обкома... Да кто тебе сказал, что завтра дождь? — не отставал Дедюхин.

— Да это я так, к примеру...
— А, к примеру! — вспыхнул Дедюхин. — Тебе все шуточки! Косилки вторые сутки стоят... Вам, как передовикам, дефицитную технику доверили.

— А мы не просили технику. Поспеет кукуруза — скосим... Мы тут не полки. Сами понимаем. Как правление решит, так и будет.

— А хозяйку с избы гнать — это тоже правление решило? — Дедюхин прищурился. — Надоела? Пересменку нашел?

— Слушай, Яков Макарыч, — сказал, побелев, Столетов. — Про косилки ладно, вам по должности положено. А в мои дела, кто бы вы ни были, нос совать не позволю.

— Ишь ты, распалился! Разбаловали тебя тут... Гляди, еще и на дверь укажешь.

— И укажу.

Несколько человек с испугом прислушивались. Еще немного, и спорщики вцепились бы друг в друга.

Но в дверях зашумели, и Столетов отвлекся.

Вошла старуха, стриженная по-мужски, под польку. Ей было лет восемьдесят, не меньше. Она с трудом опиралась на трость, но шла самостоятельно и недовольно отстраняла помощь. У нее было властное, сухое лицо, изрезанное глубокими, прямыми морщинами.

В другое время Дедюхин сразу бы обратил на нее внимание, но он до того рассердился, что не обернулся на общий приветственный гул, а продолжал выговаривать:

— Была дана команда — косить. И надо косить, а не умничать.

На этих словах он заметил старуху и осекся. И пока она шла к месту, следил за ней долгим, привязанным взглядом.

— Ладно, ладно, сама! — Она уселась на стул, достала из кармана длинный мундштук и закурила папироску. Потом огляделась, махнула рукой. — А ну, музыка, тише! Который жених? Ты, что ли, Лопатин? Иди — поцелуемся...

Лопатин удивленно оглянулся. Он видел старуху первый раз в жизни.

— Иди, иди, не брезгуй. А невеста кто? Ты? Иди — поцелуемся. И ступай, чего стоишь. Нет, обожди... Забыла. — Она достала из кармана ветхий листок бумаги и бережно подала Любаше. — Вот. Сочинение. «За что я люблю родину». Твой жених сочинил. Видишь подпись: Андрей Лопатин. Примерный был ученик. Писал с нажимом. Читай всем.

— Это не он женится, Вера Адамовна! — сказал Столетов. — Это сын его женится.

— Сын? — с трудом соображала старуха. — А отец что? Уже женился?

— Женился.

— А где он?

— Его нету, — тихо сказал Юра.

— С войны нету, — постно вздохнула Ниловна.

— Нету, — старуха задумалась. — Учила, учила, а его нету... Не стану больше по свадьбам ездить! — внезапно рассердилась она. — Дура стала. Ни ума, ни памяти.

Она собралась было подняться, но вдруг взгляд ее остановился на Столетове.

— А ты кто? Ты — с соской? — спросила она. — Когда учился?

— Да я не учился. Я педагогом у вас работал. Столетов. Помните?

— Столетов... Литературу вел. Как не помнить...

Она медленно стала окунаться в воспоминания, ее резкие морщины обмякли, глаза затуманились.

— Примерный был педагог, — вспоминала она. — Десять лет работал. Не манкировал. А тут — на первом уроке — нету. Увезли его из дому в тюрьму. Пришлось заменять урок — назначать пение.

Кто-то потихоньку включил радиолу.

— Тогда у нас двоих взяли — его и Шифмана... — словно бредила старуха, не обращая внимания на шум и музыку. — А обнес их всех тоже наш... Как фамилия — позабыла. Курить бросать надо.

Столетов осторожно оглянулся. Соседний стул был пуст.

— Горько! — закричал Столетов.

6

Увидев бывшую директрису, Дедюхин растерялся, будто перед ним предстал выходец с того света.

Еще в сорок пятом году, когда ему, демобилизованному из армии, потребовалась справка о прежней работе, он пробовал расспрашивать о Вере Адамовне, но толком о ней никто ничего не знал. Одни считали, что ее извели фашисты (Вера Адамовна была членом партии чуть ли не с пятого года), другие полагали, что она в психиатрической лечебнице.

Шли годы. Дедюхин вовсе позабыл о ней. И вот все свелось, как в худом романе, в одну точку — и он, и Столетов, и Вера Адамовна очутились на свадьбе, до которой, в сущности, и дела-то им всем троим особого не было.

Когда Вера Адамовна забормотала про аресты и доносы, Дедюхин весь сжался. Он чувствовал, что стоит ей взглянуть в его лицо, она вспомнит не только его фамилию, но и все остальное.

А от Столетова пощады не жди. Он там за семнадцать-то лет сожительства со всяким бараклом лютый стал, самосудный, ожесточился и закона не боится. У милиционера наган отобрал — это что, шуточки?

Дедюхин снялся со стула и потихоньку, ссутулившись, стал передвигаться за спинами людей в сени, вроде бы уступая место желающим глядеть на танцы и ожидая каждую секунду, что мосластая рука Столетова схватит его за подшитый белой полоской воротник.

Бледный, выбрался он на волю и стал думать, куда деваться. К нему совсем некстати подскочил Зойкин Федька и заорал на всю деревню:

— Дедушка Яков, чего со свадьбы ушли?!

— Цыц! — зашипел Дедюхин, оглядываясь по сторонам.

Лучше всего было бы сесть в машину да махнуть в район и там, дома, за крепкими кирпичными стенами, обстоятельно подумать, как быть дальше, потому что совершенно ясно, что Столетов догадался.

— Ты вот что, — сказал он, поглаживая мальчишку по вихрам. — Мамка спросит — скажи, в «Труд» отбыл. Ясно? В колхоз «Труд».

И, довольный своей хитростью, Дедюхин зашагал не в «Труд», а в «Мичуринец», где, как было условлено еще вчера, его должна ждать машина.

В «Мичуринце» машины не было. Очевидно, опять что-нибудь случилось с резиной или водитель напутал. Заехал, наверное, в «Зарю», там сказали, что Дедюхин будет в «Труде». Он поехал в «Труд» и останется там ждать до скончания века. Все запуталось. Дедюхин решил ловить попутную, хотя многие его знали в лицо и появления председателя исполкома на попутной народ бы не понял.

Выйдя на развилку, Дедюхин вспомнил, что примерно через час к полустанку подойдет почтовый. Если поднажать, можно поспеть и добраться домой на поезде.

Дедюхин поднажал, но оказалось, что почтовый прибывает с другой стороны. В сторону райцентра поезд пойдет завтра в двенадцать тридцать. Остальные пассажирские здесь не останавливаются. Дедюхин пошел к дежурному, стал дозваниваться в «Труд», чтобы узнать, нет ли там его «Победы». В трубке раздался голос, похожий на столетовский. Дедюхин вспомнил, что «Труд» и «Заря» на одном проводе, и, холодея, положил трубку.

Ему не везло весь день. Он совсем пал духом и собрался было возвращаться на шоссе, ловить попутную, но дежурный обстоятельно разъ-

яснил, что стоит подождать. Бывает, задерживают товарные составы и возможно доехать на тормозной площадке.

«На тормозной площадке, на тормозной площадке», — ворчал Дедюхин, усаживаясь на скамейку и надвигая картуз на лоб.

Станционное здание стояло, окруженное лесом. Это был деревянный дом, крашенный казенной охрой. На фасаде была надпись: «Елочки. Сев.-зап. ж. д.», с правого бока: «Елочки. Сев.-зап. ж. д.» и с левого бока: «Елочки. Сев.-зап. ж. д.», у двери висел колокол. По раструбу ободком шла литая надпись церковнославянской вязью. Дежурный разбирал ее на досуге, да так и не смог расшифровать.

Рядом со станцией за бетонной оградой, поставленной тысячи на две лет, виднелся небольшой сквер. Украшением его была клумба, обложенная беленым известью половняком, и бюст генералиссимуса на белеющем постаменте. Станционное начальство опасалось убрать его по собственной инициативе.

За сквером лежала пыльная площадь. Там, как в музее, стояли дощатый торговый навес и обгрызенная коновязь. А дальше начинался наполненный певчими птицами лес.

Дежурный пошел к себе, зажег в кабинете свет, и два ярких электрических квадрата легли на перрон. Темнело. На станции не было ни души.

Дедюхин задремал на скамье.

Вечером дышать было легче, и сердце не так надоедало, как в солнцепек.

Подошел почтовый четного направления. Из длинного синего состава вышел только один пассажир — женщина с баулом.

Некоторое время она не решалась отойти от вагона и, только увидев на скамье человеческую фигуру, подошла.

— Простите, — проговорила она низким, глуховатым голосом. — Где тут останавливается автобус?

Она была небольшого роста, в бархатном берете с помпоном, какие носят маленькие девочки, и в шелковом, переливающимся пыльнике.

Дедюхин взглянул на нее и подумал, что никакие помпоны уже не скроют одутловатости серого лица и морщин вокруг усталых близоруких глаз.

— Какой автобус? — спросил он не в насмешку, а для того, чтобы еще раз услышать голос, звуки которого показались ему знакомыми.

— Обыкновенный. В направлении колхоза «Заря».

Дедюхин бесцеремонно всматривался в ее лицо. Она отступила на шаг.

— Вы нездешняя? — спросил Дедюхин.

— Н-нет, — насторожилась женщина. — А что?

— В Воскресенской школе случайно не работала?

Она с испугом посмотрела на него и неуверенно помотала головой.

— До войны, может быть, а? — продолжал Дедюхин.

— В какой школе? — фальшиво удивлялась она. — Что за намеки? Но Дедюхин уже узнал ее и встал, улыбаясь.

— Дедюхина помните?

— Дедюхина? Учителя пения? Помню... Мы были друзьями...

— Так вот я и есть тот самый Дедюхин.

— Какая прелесть! — воскликнула женщина радостно. — Кругом жуткий лес, и вдруг — вы...

Она протянула руку для поцелуя, но не понявший этого Дедюхин пожал ее своими пухлыми, сонливymi руками.

— Зачем вы обманываете-то старика? — спросил он с шутливой укоризной.

— Вы же знаете, Яков...

— Макарыч.

— Вы все знаете, Яков Макарыч. После несчастья с Захаром приходится быть бдительной. Жизнь бьет и учит. Если бы он подписал какую-то паршивую бумажку, всем было бы лучше.

— Если бы он подписал, посадили бы еще десяток, — вздохнул Дедюхин.

— Вот-вот. И Захар был такой же. Чужих жалел, а о своих не думал. Других сажали, те вели себя прилично, выполняли все процедуры. Дедюхин укоризненно посмотрел на нее.

— А ведь вы в Сибирь собирались за ним ехать.

— Господи, какая была дура.

— Почему? И в Сибири люди живут.

— И на льдине живут... Что там хорошего, в этой Сибири, кроме развития тяжелой промышленности?

Дедюхин вздохнул и сказал:

— Вон вас как годы-то переиначили.

— А что? Постарела? Знаете, Яков Макарыч, когда подъезжали, кондуктор подходит ко мне и говорит: «Вам, — говорит, — выходить, девушка...» Представляете — «девушка»!

Но Дедюхин уже не слышал ее.

По ту сторону состава, за вагонами, явственно хрустел гравий под тяжелыми сапогами. Вот слева, за вагонными скатами, появились рыжие кирзовые сапоги военного покроя. Сапоги прошагали в одну сторону, потом в другую.

Поезд тронулся. Сейчас проедут последние вагоны, и все откроется с обеих сторон.

— А вы мало изменились, — протяжно говорила приезжая. — Простите, Яков...

— Макарыч, — досадливо отмахнулся Дедюхин и, пугаясь последнего вагона, заспешил к станции.

— Куда же вы? — звала его женщина. — Пойдите!

Но его уже не было.

— Какой странный, — сказала она.

В гулком зале ожидания были четыре двери. И все, кроме той, в которую вбежал Дедюхин, были заперты. Дедюхин остановился посреди зала, прислушался.

Сердце его колотилось с такой силой, что кровь билась в уши. То ему казалось, что шаги звучат возле самой двери, то ничего, кроме ударов сердца, не было слышно.

Он заметил, что сквозь щелку двери с надписью «Буфет» сквозили лучики света.

Он тихонько постучал.

— Закрыто! — донеслось изнутри.

Он постучал настойчивей.

Буфетчица отодвинула засов и, загородив вход пышным телом, поглядела, кто ломится.

— Я Дедюхин. Председатель исполкома.

— Порядок для всех один, — назидательно сказала буфетчица, но тем не менее пустила его и молча, руководствуясь опытом, отмерила сто граммов рябиновки.

Смятение Дедюхина было так велико, что он не стал спорить. Он плотно затворил дверь и с опаской поглядел в грязное окно.

В пространстве, освещенном двумя фонарями, никого не было видно. Нельзя распускать нервы до такой степени. Сапоги могли принадлежать стрелочнику или кому-нибудь еще, кто приходил встречать своих, да не встретил.

Дрожащей рукой Дедюхин поднял стакан, отпил немного, посмотрел, сколько осталось, и выпил до дна. Настроение его улучшилось. Он закусил пряником, кивнул на пышный бюст буфетчицы и сказал одобрително:

— Перевыполняем планы по мясу и молоку? А?

Она не ответила. Ее занимало что-то, что она видела в окне.

Дедюхин обернулся по направлению ее взгляда.

Сквозь мутное стекло на него смотрел Столетов.

Дедюхин крикнул, тщательно утер ладонью губы и стал расплачиваться. Как ни странно, от сознания того, что все сейчас должно решиться, ему стало легче. Хотя он и протянул время, два раза пересчитал мелочь, потоптался у прилавка, но от прежней растерянности не осталось и следа.

«В конце концов мне бояться нечего. Я солдат...» — подумал он и пошел к двери. Но что-то его удержало. Чувствуя спиной взгляд Столетова, он вернулся к прилавку и быстро придумал предлог:

— Пол-литра рябиновки. С посудой.

Он старательно завернул бутылку в газету и, когда уж вовсе нечего стало делать, вышел.

Душный вечерний воздух был наполнен дрожащим стрекотаньем кузнечиков.

Столетов стоял под фонарем, метрах в двадцати, сжав в кулаки свои большие руки, словно загадал шашки: кому — белая, кому — черная.

Дедюхин скинул картуз и вытер тульей лицо, и неожиданно проговорил:

— Вот они как леса-то горят, Петрович. Спасу нет.

— Беда, — отозвался Столетов. — Вчера за Вачей туча висела. Черная. Ровно Мамай прошел. Солнышка было не видать.

— За Вачей ладно. Не мой район. А у меня тут у самого, за птицефермой, весь березняк спалило. Гектаров пятьдесят. Дубок на горушке устоял и только.

— У дуба шкура толще. Дуб и не такое стерпит.

— Гектаров пятьдесят... — жалостно вздохнул Дедюхин. — Это же тыщи кубов древесины. Ежели на рубли перекрутить — чистый урон народному хозяйству.

— Лес, Яков Макарович, не только древесина. Лес — и ягода, и грибы, и зверь, и птица. Птицы не будет — жучок заведется и прочая пакость... Березки влагу из земли сосали. Теперь, гляди, как бы низинки не заболотились. Тут как у людей: год бедовать — тридцать лет лечиться.

— Вот они, вредители, чего натворили.

— А тебе, Яков Макарович, все еще вредители мерещатся? Какой ты был, такой остался...

— Ошибаешься, Петрович. К старому возврата нет.

— А нет, так чего же ты от меня бегаешь?

— Ты это брось... — погрозил издали пальцем Дедюхин. — Что мне от тебя бегать? Я у тебя курей не воровал.

— Не жалуешь ты меня. Чувствуешь свою вину, за это и не жалуешь. Ненавистью от самого себя спасаешься.

— Чудной у тебя разговор, Петрович, — криво усмехнулся Дедюхин.

— Не лукавь, — сказал Столетов, подходя к нему. — Хватит.

— Демидова в психиатрическом на учете, к твоему сведению. Старая, щекотки не боится...

— Хватит, — повторил Столетов, подойдя совсем близко. — Ладно?

Глубокая печаль и усталость, звучавшие в этих словах, до того поразили Дедюхина, что он машинально ответил:

— Ладно.

Столетов посмотрел ему в глаза, хотел что-то добавить, но махнул рукой и зашагал в темноту.

Его уже не было видно. Только мерно хрустел под ногами гравий.

— Захар! — позвал Дедюхин.

Хруст затих.

— Может, выпьем? — проговорил она нерешительно.

Некоторое время шагов не было слышно. Столетов, видимо, колебался.

Но вот он появился в свете фонаря, и они оба, молча, словно стыдясь чего-то, пошли в сквер.

Там они сели на скамейку верхом, как на детскую лошадку, лицом друг к другу. Дедюхин расстелил «Известия», высыпал из портфеля редиску и отвинтил стаканчик китайского термоса.

Они выпили по очереди, сперва Столетов, потом Дедюхин.

— Послушай, Захар...— тихо попросил Дедюхин.— Ты уж не разглашай. Федька подрастает... Как на меня глядеть станет...

— Понимаю,— сказал Столетов.— Так вот слушай. О твоём доносе я знаю давно. И молчу. И молчать буду. Только уж и ты колхозу не мешай. Ко мне как хочешь, срывай на мне досаду, а колхозу не мсти.

— Какая там досада!— подхватил Дедюхин горестно.— Хочешь верь, хочешь не верь, а наложил бы я на себя руки, если бы у меня напарника не было.

— Какого напарника?

— Да ты его знаешь.

— Кто же?

— Неужели забыл? Лучший друг физкультурников.

И он опасливо покосился на белеющий в темноте усатый постамент.

Они выпили еще по рюмке, не чокаясь.

— Помню, в эпоху сумбура вместо музыки вызывают меня туда.— Дедюхин показал редиской вверх.— Вызывают и говорят: «Всюду,— говорят,— вредители, враги народа, а у вас в школе нету? Где у тебя бдительность?»

Он выпил, прижал руку к груди.

— Не надо бы тебе больше, Яков.

— Ничего... Пусты... А в талмуде сказано — своя рубашка ближе к телу. Думаю — напишу, шут с ними. Разберутся — выпустят. На тебя написал и еще на одного. На брюнета... С тех пор, как на тебя погляжу — грызет меня тоска... В одном ты не прав. К колхозу я объективный.

— Чего ж тогда Лопатина гоняешь?

— А за Лопатина не обижайся. Сам знаешь, я твоему Лопатину все обеспечил: и сортовые семена, и дефицитную технику. Других ущемил, а ему дал. Вот весь район и вытаращил глаза — что у Лопатина получится... А тут видишь, какое пекло. Все горит. Придет уборочная — в лужу сядет твой Лопатин... Вот, скажут, передовик... А тут, на наше счастье, директива из области: посевы горят — повсеместно косить. Вот я и спасаю твоего Лопатина — на этот год кукурузу скосит, а на тот год снова начнет...

Столетов давно заметил, что к их разговору прислушивается какой-то человек, покуривавший у клумбы цигарку.

— Можно? — спросил незнакомец робко.

— Взойдите, — недовольно откликнулся Дедюхин и спрятал бутылку под скамью.

Человек оказался маленьким сивеньким мужичонкой, похожим на побирушку.

Он был с фонарем и котомкой.

— Ты откуда? — спросил Дедюхин.

— Из колхоза «Прогресс», — прошамкал старичок. — Кто из вас тут главный?

— А тебе чего?

— Слышу, про кукурузу спорите... Хошь бы вы помогли. Козу вывести некуда — тут кукуруза, там кукуруза. Кому ни говорю, все отталкиваются.

— Кем работаешь?

— Куда направят.

— Ты прессу читаешь?

— Читаю... Одолела нас кукуруза, язви ее... Травку коровушки больше уважают.

— Траву не коровушки, а лентяи уважают. Посеял и лежи на печи, разлагайся.

— Так-то оно так, — сказал мужичок доверительно, — а все ж-таки траву у тебя никто не возмет, а на кукурузу государство поставки наложит...

— Да ты кто такой! — побагровел Дедюхин. — Колхозник или единоличник? А? Тебе что, государство — мачеха?

Испуганный мужичок исчез, словно провалился, а Дедюхин все не мог успокоиться:

— «Государство поставки наложит»!.. Вишь, какой умный!.. По походке видать, единоличник. Давай-ка, выпьем...

— Хватит тебе, Яков.

— Последнюю. В общем, не верь ты мне, Захар. Паганель я. И когда писал, знал, что Паганель. И сейчас Паганель... Плесни.

— Хватит.

— Тогда я один... Ей-богу, Паганель. Твою Людку встретил, а про тебя не сказал.

У Столетова захватило дыхание.

— Людмилу видел? Когда?

— А сейчас... Только что... Ходит тут, автобус ищет... — Он ухмыльнулся, но сразу помрачнел. — «Государство поставки наложит!» Улавливаешь, какой тип? Давай выпьем.

— Хватит, Яков. Она что, приехала?

— Кто? Людка? Приехала... Да ты забудь о ней. Дрянь она.

— Когда приехала?

— А шут с ней... Я дрянь, а она дрянней дряни...

— Дай сюда бутылку!

Столетов встал, устремив на Дедюхина неподвижный мерцающий взгляд. Вероятно, с таким же взглядом отбирал он наган у милиционера.

— Я покупал, а не ты... — начал было Дедюхин, но, взглянув на его лицо, покорно протянул бутылку.

Столетов взял ее за горлышко и запустил вдаль. Она ударилась о бетонный забор и разбилась на мелкие осколки.

Дедюхин крикнул.

— Куда она пошла? — спросил Столетов.

— Кто?

— Людмила.

— Туда куда-то, — неопределенно махнул рукой Дедюхин. — Ночь, а душно... — Он расстегнул воротник и снова опустился на скамейку, — жара... И кукурузе худо, и человеку.

8

Луна была на ущербе. Темный лес стоял неподвижно. Людмила Сергеевна шла проселком, надеясь встретить попутную машину. Когда-то эти места были для нее самыми дорогими, заветными. Но теперь ни радости, ни умиления не было в ее душе. После того как девчонкой связалась с учителем и его арестовали, не любила она вспоминать Воскресенское. Здесь жизнь ее пошла под откос. Здесь она вызывающе вела себя у следователя, здесь ее уволили из школы. Ей пришлось уехать за тридевять земель. С трудом она устроилась работать в Казахстане, но и там ее обвинили, что она скрыла связь с врагом народа, исключили из комсомола и уволили.

К тому времени беременность ее стала заметна, и ее никуда не принимали. На нее напала апатия. Она вся окоченела. Если бы не дочь, она бы пропала. Но как только родилась Светланка, Людмилу Сергеевну словно подменили. У нее появились изворотливость, наглость и удивительная, звериная цепкость. Ей удалось даже, как она любила говорить, «упорядочить свою личную жизнь» — выйти замуж за актера-манипулятора, и дочь стала носить звучную фамилию — Задунайская. Муж любил Людмилу Сергеевну, ревновал, рыдал, просил прощения, но перед самой войной ему стало известно, что Светлана — плод связи Людмилы Сергеевны с репрессированным, и влюбленный манипулятор сбежал торопливо и позорно, забыв даже лакированный ящик, в котором зайцы превращались в голубей.

Так в начале войны Людмила Сергеевна осталась с четырехлетней дочерью совершенно одинокая, без денег и без работы. Каким-то чудом ей удалось устроиться в военоторговскую столовую. Там она подружилась с штабным парикмахером, которому сообщила под страшным секретом,

что отец Светланы — известный в то время генерал. Парикмахер был толстый и гордый. Он тоже любил Людмилу Сергеевну, кормил ее офицерским пайком, но хвастал приятелям не тем, что победил ее сердце, а тем что у нее дочь от генерала. Он сильно выпивал и, опохмелившись, приказывал Людмиле Сергеевне массировать ему затылок. В конце войны к нему нагрянула законная жена, и Людмиле Сергеевне пришлось уходить...

Когда жизнь прижала ее к стенке окончательно, она вспомнила про массаж, устроилась в привокзальную парикмахерскую и пошла в гору. К ней стали записываться на очередь. Теперь она живет в областном центре, ездит в трамваях и троллейбусах, работает в салоне, и ее знает весь город. Ее добиваются, а некоторые клиенты — культурные, эрудированные дамы — ходят к ней на дом.

Когда Светлана окончила сельскохозяйственный техникум, мать посоветовала ей отрабатывать срок в Воскресенском районе, где сама не была уже лет двадцать. Впрочем, Людмила Сергеевна предчувствовала, что ничего путного из работы дочери не получится. Так и оказалось. Светлана писала: глушь, бескультурие, председатель ненормальный — тундра. В довершение всего вчера пришла непонятная телеграмма: «Правление колхоза «Заря» просит срочно прибыть по поводу дочери».

Вот она и прибыла.

Людмила Сергеевна шла и шла, а машин не было. Ей стало казаться, что она заплуталась, но тут встретился сухонький старичок с фонарем и котомкой и объяснил, как идти. Старичок был колхозником и даже членом ревизионной комиссии колхоза «Прогресс». Колхоз крепкий, выполняет все обязательства и с прошлого года начал давать деньги на трудодни. А приходил старичок к московскому скорому поезду. Племяш его проживает в Москве и работает проводником в мягком вагоне. Проезжая «Елочки», племяш на ходу скидывает на свет фонаря сумку с белыми булками. Вот по какому вопросу дедушка приходил на железную дорогу.

Людмиле Сергеевне было приятно, что старичок признал в ней городскую и разговаривал уважительно. Он сказал, что автобусов тут сроду не было, да и пустить их навряд ли возможно, поскольку в сырое время по здевшим суглинистым проселкам и пеший не пройдет, не то что автобус.

Лучше всего добраться до развилки, с версту отсюда, за березовым колком, и подождать эмтээсовскую летучку. Если, конечно, гражданка не покуснится на пол-литра, летучка подбросит хоть не до «Зари», а в ту сторону.

Людмила Сергеевна поблагодарила и собралась идти. Старичок спросил, есть ли у нее спички. Бывает, ночами тут волчиха бегает. А спичку запалишь, она уйдет.

— Я, дедушка, людей не боюсь, не то что волков,— сказала Людмила Сергеевна и пошла березовой рощицей. Тонкие стволы белели в темноте. Тогда, в ее девичьи годы, здесь росли такие же молоденькие березки, и кора у них была тонкая, пачкала, как мелок.

Что-то далекое, забытое тронуло сердце Людмилы Сергеевны. Она остановилась и погладила березку.

Примерно через полчаса ей удалось поймать машину. Это была действительно эмтээсовская летучка. Людмилу Сергеевну провезли двенадцать километров и высадили в пустынном ночном поле. До деревни, где жила дочь, было еще километров девять. Людмила Сергеевна пошла пешком, ужасно устала и решила заночевать в деревне Поповке у колхозников второй бригады. Шел первый час ночи, когда она постучала в окно крайней избы.

9

Столетов лег сразу как пришел. Даже не поужинал. Обыкновенно он засыпал, как только касался подушки. Но сегодня он был так встревожен, что не пытался закрыть глаза.

Если Люда приехала, она давно бы должна быть здесь.

Со станции на машине путь не долог. Положим, машину искала час, ну два от силы... Значит, в десять наверняка должна быть в деревне. Но за окнами черная ночь, двенадцатый час, тишина, и свадьба уgomонилась, а никого нет.

Несколько раз ему слышались то стук, то шаги легких туфелек. Он приподнимал голову и понимал: кобелек чешется на крылечке.

Может, Дедюхин по своей застарелой привычке неуклюже разыграл его, вспомнил про Людку «в порядке шутки»? Непохоже. Сегодня ему не до шуток. Может, обознался? Тоже сомнительно. Судя по всему, он разговаривал с Людой несколько минут, а память у него цепкая.

Скорее всего Люда действительно приехала, но приехала по своим делам, не подозревая, что Захар живет здесь, рядом, невредимый и с паспортом. Тогда любая случайная фраза наведет ее на его след — Столетова знает чуть не весь район,— она бросится к нему, и ее можно ждать в любую минуту, и сегодня, и завтра... А может, и не бросится... Больно он ей нужен. Конечно, она замужем. Таким, как Людка, соломенное вдовство не идет...

Столетов неподвижно лежал на своей узкой койке, вытянувшись, как солдат по стойке «смирно», и, глядя на дощатый потолок, вспоминал школу в селе Воскресенском, добела стертые классные доски, пресную пыль мела и Людку.

Людка была веселая и шумливая, как воробушек. Каждый день у нее заводилась какая-нибудь дешевенькая обнова.

— Симпатичная брошка, правда? Симпатичное колечко, прав-

да? — хвасталась она. Это словечко «симпатичное» она цепляла куда надо и куда не надо, и всегда у нее получалось смешно и мило.

Когда они сошлись, ему было около тридцати, он был серьезный учитель литературы, классный руководитель, а ей, кажется, и восемнадцати не сравнялось... Да, да, она подарила ему маленькую карточку с уголком — недавно снялась для паспорта... Конечно, не было восемнадцати.

Взяли его внезапно, темной зимней ночью. Печальный следователь несколько дней подряд заставлял его повторять частушки. Кроме частушек, спросили, почему его ученик в учебнике раскрасил краской губы и щеки на портрете товарища Сталина?

Бились со Столетовым долго. Писали протоколы, клали черную вечную ручку, предлагали расписываться.

Сперва Столетов возмущался, писал письма в Москву, потом крепился, и, наконец, пришел день, когда он решил сдаться.

И как раз в этот день в комнату следователя привели Людку.

Она вошла, маленькая, беременная, с острым книзу пузом.

Он встал перед ней, растерянный, придерживая брюки.

— Это ваша супруга? — печально спросил следователь.

Он молчал. Он понимал, что положительный ответ искалечит и ее жизнь, и жизнь ее будущего ребенка.

— Да, я его супруга, — сказала Людка гордо. — Ты не бойся и не признавайся ни в чем. Если засудят, я найду тебя и приеду. Не бойся! Вот увидишь, все будет хорошо! Все будет хорошо!

Ее торопливо увели, но она и в коридоре кричала: «Все будет хорошо!»

Вот тогда он и понял, что такое эта маленькая Людка с симпатичной брошкой и почему его так тянуло к этой девочке.

Следствие продолжалось, но Столетов стал тверд, как камень.

Его возили из тюрьмы в тюрьму без права передачи, без права переписки и вообще без всяких прав.

— Поздравляю, — печально сказал однажды следователь. — У вас родилась дочь. Чистосердечным признанием вы облегчите ей жизнь на свете.

И положил на протокол черную вечную ручку.

— Не пугайте, — сказал Столетов. — Если бы я знал, что у нас можно засудить невинного, я бы придушил своих детей собственными руками.

После этого его несколько дней не тревожили. Потом пошли лагеря, пайки черного хлеба, лесоповал, лазареты...

Вернувшись в 1955 году в родные места, Столетов принялся за розыск. Но девичьи фамилии ненадежны...

Он думал, что Люда, на свою очередь, примет меры, постарается разыскать его. Из-за этого главным образом Столетов и вернулся в Воскресенский район.

Впрочем, человек он был мужественный и особыми надеждами себя не тешил.

Усталость, наконец, сломила его. Он стал засыпать. Ему снились вышки, колючая проволока, лесоповал, тракторы. Чем крепче он погружался в сон, тем громче и надоедливее грохотали трелевочные тракторы.

Он открыл глаза и не мог понять, спит ли, бредит.

По всей душной горнице: по полкам, по занавеске, за которой спала Варя, по буфету, по потолку — ползли квадратные блики света.

Он приподнялся на локте.

По улице, сотрясая избу, гремя гусеницами, шли тракторы. Фары ярко освещали горницу.

— Варя! — крикнул Столетов, отирая потный лоб.

— А я, — сонно ответили из-за занавески.

— Поди-ка скорей!

— А я раздемшись.

— Ладно, иди.

— Как есть?

— Как есть.

Она вышла в одной рубашке и, видно, испугавшись его блестящих в темноте глаз и частого дыхания, остановилась посреди комнаты.

— Что с вами, Захар Петрович? — спросила она.

— Воды! Воды дай...

Варя бросилась к ведру, зачерпнула ковшик, подала напиток.

Столетов пил жадно и громко.

— Ничего, ничего, — приговаривала Варя, робко присаживаясь на его кровати. — Это Юра в МТС косилки отсылает... Ничего.

— Молодец Юрка! Выучишься — будь такая, как он.

Тракторы удалялись. Горница погрузилась во тьму. Шум утихал. Только треснутое стеклышко в буфете чутко зудело.

— Не поеду я учиться, Захар Петрович, — тихо сказала Варя.

— Ты что, смеешься?

— А что срамиться? Читаю плохо, умножение вовсе забыла.

— Семилетку кончала?

— Кончать-то кончала, а потом что видела? Поросят да подушку.

От зари до зари с поросятками. Поросяткам таблица умножения ни к чему. Не нужна она поросяткам, таблица-то умножения. — Она горько усмехнулась. — Зойкин Федька задачку просил решить, а я и не знаю как, и не помню эту задачку, ровно нам такую задачку и не задавали. А по немецкому только и помню — «ди лампа». Это значит «лампа». Никуда я от вас не поеду.

— Ты что же это? Согласилась, а теперь на попятный? — удивился Столетов. — Повторяй математику. Сам проверю.

Варя шмыгнула носом и заплакала. Но пронять Столетова слезой было невозможно. Навидался он за свою жизнь самых разных слез — и

коротких, и длинных, и женских, и мужских, и страшных — невидимых, и дешевых — фальшивых. Он спокойно прислушался к тихому плачу и добавил:

— Поросят передашь Зое.

— Захар Петрович? — спросила Варя, глядя в сторону и жалко и криво улыбаясь.

— Ну?

— Почему вы мной брезговаете?

Слезы душили ее.

— Неужели уж я такая урод, никуда не гожусь? Легко ли, полгода в одной избе. А вам что шайка, что я.

Изумленный Столетов смотрел на нее во все глаза.

— На улице у колодца бабы... каждое утро шуточки... Как ножом в душу. Хоть бы за дело — не обидно бы... А замуж меня не надо... — Она нависла над Столетовым, прижалась к его груди мокрой щекой. — Не бойтесь, родный вы мой...

Внезапно она опомнилась, испуганно отпрянула и исчезла.

Ситцевая занавеска колыхнулась и застыла, как все вокруг. Словно что-то умерло там, за занавеской, словно никого там нету.

И постепенно, сперва тихонько, а потом все смелей и уверенней в углу заскрипел сверчок.

— Варя! — позвал Столетов.

Ответа не было.

— Варя, — повторил он еле слышно.

— А я, — так же тихо, еле слышно, будто не сказано, а только подумано, раздалось из-за занавески.

— Ты не обижайся. Иди ко мне...

10

Утомленный Столетов заснул, а Варя дожидалась утра с ужасом. Ей было до того совестно, что она тихонько стонала. Она просто не понимала, как после того, что случилось, глядеть в глаза Захару Петровичу, что сказать.

Но подошло время, за окнами посветлело, пришлось одеваться, приниматься за неотложные утренние дела: кормить поросенка, кур, носить воду, греть кипяток, готовить.

Захар Петрович встал серьезный, с Варей не говорил и все к чему-то прислушивался. Сам вымыл эмалированную кружку, нацедил воды для бритья и поставил кружку на плитку. Потом приладил ремень к спинке стула и стал править бритву.

«Хоть бы зашел кто-нибудь», — тоскливо подумала Варя. С той поры, как поселился Захар Петрович, горница стала похожа на проходную контору. Как ни приучает председатель людей к порядку — ничего не получается: и в обед, и в завтрак лезут к нему на квартиру, курят, сле-

дят, галдят каждый свое, пьют воду. С самого ранья толкутся. А сейчас, когда надо бы, нет никого...

Захар Петрович наладил бритву, стал искать мыло. В другое время он спросил бы, конечно: «Варя, где мыло», — а сейчас молчит, ищет сам, да не там ищет...

Слава Богу, застучали сапоги, в сенях всполошились куры — идет кто-то.

Дверь распахнулась — вбежал Лопатин. Он был в черном свадебном костюме, но на лбу его сверкали очки-консервы, да в руках он мял кожаные перчатки.

— Дождались, Петрович, — раздраженно сообщил Лопатин. — Вызывают.

— В район?

— Выше. — Лопатин сдержанно оглянулся на Варю. Варя взяла ведро и вышла. — К Ефиму Васильевичу. Подвела королева-то...

— Худо дело! — Столетов подумал, стряхнул с плеча Лопатина цветную бумажку, спросил: — Как погода?

— Все то же. Жжет.

— У Ниловны спину не ломит?

— Нисколько. Как думаешь, сильно будут драить?

— Думаю, сильно. Гонять технику холостяком в такое время не шутка.

— Строгача?

— Не меньше.

Столетов нашел мыло и принялся бриться. Брился он сегодня особенно тщательно, и это раздражало Лопатина.

Лопатин зашагал наискосок по горнице и, стараясь успокоить себя, заговорил:

— На правлении решили — косить не будем. Верно? Коси не коси — что в лоб, что по лбу. Все равно корму не будет. Верно? А дождя дождемся — может, что-нибудь да уберем. Верно?

— Барометр куда глядит?

Лопатин безнадежно махнул рукой. Потом подошел к председателю и нерешительно произнес:

— Может, вместе поехать?

— Меня не вызывали.

— Ну и что же. Ты, Петрович, председатель.

— А ты бригадир. Тебе и карты в руки. Ты инициатор.

— Кто? Я? — Лопатин даже встал от изумления.

— А кто? — спросил Столетов, выбривая себе косые височки. — Кто предложил вместо клевера кукурузу? Ты. Кто косилки ночью устал? Опять ты.

Лопатин долго ошеломленно глядел на председателя. Это было похоже на издевательство.

Сейчас в самый бы раз стукнуть кулаком по столу и напомнить председателю его же слова: «У тебя, Юрка, на плечах голова растет — не тыква. Верись в дело — делай. Учись творить, а не указания выполнять. А я тебя в обиду не дам». Но стукнуть по столу Лопатин не мог — его сбивали с толку теплые, ласковые глаза председателя. Никогда не было у Петровича таких глаз.

— А ты... А вы, следовательно, сбоку? — произнес он наконец. — Тогда, конечно... Тогда не о чем толковать...

Он мямл рукавицы. Руки его дрожали.

— Кваску хочешь? — спросил Столетов.

Лопатин посчитал это за новую издевку. Он грохнул дверью с такой силой, что с гвоздочка слетела кепка, но тут же вернулся и сказал:

— В разведку я с вами не пошел бы, товарищ Столетов!

И только после этого ушел окончательно, и за окном возмущенно зарычал мотоцикл.

— А нам, Юрка, и не придется, — проговорил Столетов, отряхивая кепку о колено.

11

Столетов вышел на крыльцо и остановился. Ему надо было на лопатинский участок, но какая-то сила потянула его в другую сторону, в деревню Поповку, и он подчинился этой силе.

Хотя к утру надежда на появление Люды почти угасла и делать во второй бригаде было нечего, Столетов все-таки пошел туда. Поповка была на семь километров ближе к станции. Может быть, там что-нибудь знают.

Не доходя горушки, он услышал звонкий, чистый в тишине утра стук по железу и, поднявшись, увидел бригадира Костикова. Заросший седой щетиной бригадир, неловко скрючившись, сидел на собственной ноге у пыльного мостика и отбивал косы.

— Ты чего здесь? — удивился Столетов. — Места другого нет?

— Согнали, — прикинулся сиротинушкой Костиков. — Дожил! И со своего подворья, и с деревни согнали. Шуметь не велено. Дамочка у меня спит.

— Какая дамочка?

— А тебе не доложили? Ну гляди! Светланкина мамаша прибыла. Сурьзная мамаша. Гляди теперь!

Столетов вздохнул со смешанным чувством грусти и облегчения. Так вот это кто. Приехала по вызову. Он не думал, что так быстро придет.

— Какая она?

— Да ничего, — ответил Костиков. — Еще свежая баба. — Потом подумал и безнадежно махнул рукой. — А в общем, женский пол. Дай им рога — всех перебодают.

Столетов соображал, как доставить гостью до места, а Костиков, мелко постукивая молоточком, объяснял между делом:

— Сел на приступочке — косы направлять, шум подняла, спать, мол, ей не дают. — Он перешел на ехидный шепот: — Спазмы у ей. Солнышко вон оно где, а она спит со своими спазмами.

Столетов заторопился к избе. Костиков крикнул, ехидно осклабившись:

— Тебе говорят — спят! Сыми кирзы-то, не гремли каблуком!

Бригадир немного опасался встречи Столетова с приезжей дамочкой. Среди ночи, как только ее привели в избу и стало известно, кто она такая, Костиков буркнул с постели, чтобы она осторожней, поскольку председатель — Петрович у них каторжный.

Гостя перепугалась, захворала своими спазмами и не могла заснуть почти до света.

И Костиков боялся, что она проговорится.

«А что он мне может предъявить? — думал бригадир, глядя в спину Петровича. — Каторжный и есть. Ничего он мне не может предъявить».

До Столетова бригадир второй бригады был председателем правления, и болячка зависти к тому, что нового руководителя народ признал быстро и называет по-старинному уважительно и ласково «Петрович», еще не засохла.

На дворе сестра Костикова сердито оттирала тряпкой городские женские туфли.

— В избу нельзя, — сказала она, точно так же, как брат, ехидно осклабившись. — Ослепнешь.

Столетов глянул на нее вопросительно.

— Гости у нас. Гольшом. Моются.

Из избы доносился плеск воды и женский говор. Жена Костикова вела речь мягко и плавно, словно припевала, а у приезжей голос был низкий, похожий на Людкин, но глухой и какой-то потерянный.

Женщины говорили непрерывно, одновременно. И все же, если прислушаться, получалось что-то вроде связной беседы.

— Мне рожать, а его берут, — говорила гостя. — Представляете, подложили свинью? Болтал гадости. Про колхозы. А на допросах упирается. Не признается. Принципиальность корчит... Он там дурачился, а меня с работы. Следовательно, симпатичный такой шатен, вызвал и предрепидил: не наш человек. А я девчонка, дура, не верила. Лезла на рожон.

— Это само собой, — говорила в это время жена Костикова. — От них вся беда, от мужиков. У нас вон, через двор, Маруська с тремя осталась. Восемь лет жил, да вдруг, летошний год, в аккурат ей рожать, сорвался и ушел. Да к кому — к разведенке! И не загульный вроде, а вовсе очумел. Это вы верно, вся беда от мужиков... — повторила она, хотя гостя и не упоминала об этом.

Затаив дыхание, Столетов старался расслышать в тусклом голосе знакомые интонации, и ему казалось, иногда угадывал их. При словах «симпатичный следователь» его словно дернуло током. Но он боялся поверить, что женщина с тусклым голосом — его Людка, и объяснял свои фантазии тем, что думал о ней всю ночь. Вот и мерещится.

Он собрался было отойти, успокоиться, но внезапно новая мысль оглушила его. Если это действительно Люда, значит, Светлана... Он быстро подсчитал годы, сложил, вычел... Так и есть. Значит, Светлана его дочь. Так получается.

— Чепуха! — сказал он с досадой. — Вот чепуха!

Солнце все так же светило на безоблачном небе, но Столетову показалось, что стало темней. В ушах его зазвенело. Неожиданно для себя он поднялся на крыльцо и вошел в избу.

В темных сенях было прохладно, пахло хомутами, мочалой. Он остановился отдышаться. За дверью сквозь плавную речь Костиковой проступал глуховатый голос:

— Есть нечего. Светка орет. Даю пустую грудь — кусается. Тоже характер. Могла ли я воспитать такого ребенка? А теперь — тем более. Девочка в такой дыре. Кругом уголовники, вроде вашего Петровича...

Дверь отворилась. В сени вышла худенькая женщина в длинном, до полу, рябенком халате и стала босой ногой на шаривать в темноте туфли. Мокрые волосы ее были замотаны платком.

Заметив Столетова, она спросила спокойно:

— Что вы так смотрите?

— Вроде личность знакомая, — сказал он и отер пот со лба подкладкой кепки.

— Не может быть... — пролепетала женщина. — Какие-то грезы... Это ты, Захар?

Она подошла, тронула его морщинистую щеку.

— Какой ты стал страшный... — прошептала она. — Какой страшный...

Он печально смотрел на нее.

— Ты сразу узнал меня?

Губы его дрогнули. Он сунул руки в карманы и твердо произнес: — Нет. По правде сказать, и сейчас не узнаю.

— Опомнись, Захар. Я Людмила.

— Ну и что?

— Как что? Людмила Сергеевна.

Она посмотрела на него с недоумением, по-птичьи скосив голову.

— Ты... вы совсем забыли? — поправилась она.

— Чего-чего, а память у меня не отбили, — горько проговорил Столетов.

Через много лет, когда где-нибудь пахло хомутами или мочалой, Людмила Сергеевна вспоминала эту встречу, и перед ее глазами вставала одна и та же картина: темные сени, яркие щели двери и большой,

словно вылитый из чугуна, человек с руками в карманах. Именно в ту минуту Людмила Сергеевна поняла, что этот человек, как был для нее когда-то, так и остался самым дорогим на свете. Через много лет ей казалось, что, если бы она бросилась к нему, обняла, заплакала, все сложилось бы иначе. Но Людмила Сергеевна почему-то не бросилась и не заплакала. Она поджала губы и проговорила низким, тусклым голосом:

— Симпатичная встреча. Кто вам дал право издеваться над моей дочерью?

12

Вечером прибежала Зоя. Принесла председателю телефонограмму. Столетов отодвинул миску и стал читать. Областные власти вызывают кандидатов на зоотехнические курсы. Столетов велел Зое обождать, пересел к подоконнику и принялся писать акт.

В дверь постучались. Не дожидаясь приглашения, через порог переступила женщина в малиновом берете.

— Разрешите...— начала она.

— Обождите!— грубо оборвал ее председатель.— Варя, расписывайся... И ты, Зоя, распишись. Вот тут вот. Принимай ферму.

— Я?— остоленела Зоя.— Да вы что, Захар Петрович...

— Давай, подписывай. И ступай поросят пересчитай. Что встала? Ступай!

Смягчая грубость Столетова, совестливая Варя обратилась к госте:

— Присаживайтесь. Может, чайку?

— Не откажусь.

Городская гостья села, не снимая шапки.

— Так в чем дело?— обернулся к ней Столетов.

— Вы меня вызвали, вам лучше знать, в чем дело,— холодно отпечатала женщина.— Мы всю ночь беседовали с дочерью. Всю ночь. Она, конечно, чувствует свою неправоту, но не желает признаться. Упряма. Вся в отца...— и, сменив тон, мягко пожурила Варю:— А хлеб вы резать не умеете... Смотрите, какие булжники...

— Вот он, ножик,— Столетов стукнул черенком по столу.— Режьте на свой вкус. А ты, Варюша, ступай на ферму. Растолкуй Зойке, что да как. Чтобы всё было чин чинарем...

Варя выбежала на крыльцо. Узкая тропка вилась вдоль спокойной реки. Тихая, мирная благодать... К Захару Петровичу приехала жена. Надо бы не на ферму бежать, а остановиться, обдуматься. Да куда там! Зойкин Федька уже заметил ее. Варя недавно просила его повторить с ней таблицу умножения, ему и понравилось.

— А ну, тетя Варя, семью восемь!— крикнул он.

— Семью восемь?— Варя задумалась.— Не пятьдесят шесть? Ой нет! Пятьдесят восемь?

Мальчишка остановился.

— Пятьдесят восемь? Нет, кажется, не пятьдесят восемь,— он зашептал, зашевелил губами.— Ну вот, обратно сбила! С тобой и сам позабудешь... Ну ладно! Семью девять.

— Уж больно ты трудное спрашиваешь, Федя. Вон какая жара. Давай чего-нибудь полегче.

Она остановилась и задумчиво смотрела на воду.

— Толсто режу,— проговорила она внезапно, и губы ее задрожали.

— Чего? — насторожился Федька.

— Толсто, мол, режу. Пускай она ему тонко режет!

Федька испуганно посмотрел на ее мокрые глаза и сказал поспешно:

— Ну ладно, ладно... Пятью пять — сколько?

13

Среди пустых и ненужных подарков, которые мать привезла Светлане, был один, который оказался совершенно необходимым: темные очки. В дорогой, янтарного цвета оправе.

Конечно, колхозницы будут смеяться, увидев ее в пляжных очках, с огромными черными стеклами, но стоит ли обращать внимание на их завистливые насмешки?

Агроном в «Заре» исполнял по совместительству и обязанности зоотехника. И когда Светлану вызвали на свиноферму — рекордистка Астра готовилась к прибавлению семейства, — она схватила резиновые перчатки, надела очки и побежала.

Красивая двухдверная матка нервничала, беспокойно крутилась в тесном станке, шевелила солому, готовила логово.

Как только Светлана появилась в своих черных очках, Зоя ткнула локтем подружку и сказала пронзительно:

— Гляди — пугало!

И Иван Иванович, подвозивший в это время картошку к кормозапарнику, добавил придурковато:

— Что это у нас поросята последнее время поносят? Может, от страха?

Женщины покатались со смеху.

Светлана сдержалась. Она считала ниже своего достоинства входить в пререкания с рядовыми колхозниками. Что-то ей говорило, что тут замешана мама. Вскоре ей удалось выведать, что мать ходила к председателю на квартиру и умоляла его быть снисходительней к дочери. Светлана расстроилась не на шутку и, как только кончился опорос, бросилась домой.

Людмила Сергеевна, уютно, с ногами устроившись на кровати, просматривала журнал «Колхозное производство».

— Мама! — крикнула Светлана еще в дверях. — Зачем ты бегала к председателю?

— Боже, как ты меня напугала,— проговорила Людмила Сергеевна, спокойно откладывая журнал.

— Что ты там болтала?

— Нельзя ли повежливей. Кто я тебе, мать или не мать?

Светлана прошла несколько раз по комнате в грязных ботинках.

— Сегодня на станцию идет машина,— сказала она.— Садись и уезжай.

— Светлана!

— Еще не хватало... чтобы ты кокетничала с этим самодуром.

— На твоём месте я бы не стала обзывать человека. Во-первых, он старше тебя, во-вторых, все-таки знающий, уважаемый председатель.

— Знающий! Да он против травополя! Против Вильямса!

— Какой кошмар! — спокойно сказала Людмила Сергеевна.— А кто такой Вильямс?

— Ученый.

— Ах, ученый! Тогда не имеет значения... В-третьих, прав все-таки председатель, а не ты...

— А что в-четвертых? — передразнивая мать, нараспев спросила Светлана.

— А в-четвертых, тебе неприлично его обзывать просто потому, что он твой отец.

Светлана посмотрела на мать остановившимся взглядом, прошла через всю комнату и села.

— Только он почему-то не хочет признаться в этом,— добавила Людмила Сергеевна.

Светлана стала снимать грязные ботинки, один сняла, а другой не стала. Мать, немного выждав, спросила:

— Хочешь, я тебе сделаю массаж головы? Это помогает... Почему ты молчишь, девочка?

— Ты мне преподнесла столько сюрпризов, мама,— сказала Светлана,— что я давно перестала удивляться.

14

Лопатин отправился в обком страшно разгневанный поведением Столетова. Но чем ближе подъезжал он к областному центру, тем больше злорада на себя пересиливала в его душе злоба на председателя.

После он рассказывал Любаше, что подумал тогда: «А что я за мышонок такой, что норовлю в карман Столетову спрятаться!» Прибыл в сельскохозяйственный отдел горячий, как самовар,— с ноздрей пар! Зарвался, конечно, немного, чуть не схлопотал выговор... К удивлению и радости Любаши, косьбу в его бригаде отложили, а в колхоз послали инструктора Балашова, разобраться на месте и принять окончательное решение. Лопатин гордился и ликовал: важно было выиграть время — каждый день мог пойти дождь и спасти посевы.

Кроме сельскохозяйственных дел, Балашов получил ответственное задание — разобраться в деятельности Столетова. Было известно, что прокуратура готовит материалы для привлечения его к судебной ответственности, и от Дедюхина пришла раздраженная депеша, из которой вытекало, что председателя в колхозе «Заря» надо менять.

Не теряя времени, Балашов начал действовать.

С кукурузой обошлось просто: дал задание сосчитать выборочно на нескольких квадратах процент погибших стеблей — и все. Далее пусть специалисты решают, косить ее сейчас или ждать дождя.

Сложней было со Столетовым. Балашов его не знал и в глаза ни разу не видел. Личное дело особого света на его характер не проливало: Столетов, Захар Петрович, родился в 1907 году, в бедной крестьянской семье... Беспризорищал... Видел Держинского... Кончил педучилище... С 1928 года преподает родной язык и литературу в Воскресенской школе... В партии с 1931 года... Репрессирован... Реабилитирован... Возвращаться на педагогическую работу не пожелал... («Для ребят нервы не годятся».) Работал в колхозе «Заря» некоторое время бригадиром, а потом председателем колхоза.

Правда, в личном деле оказался документ, расположивший Балашова к Столетову. Это была вырезка из газеты, статья Столетова, написанная им в 1954 году, когда он был еще колхозным бригадиром. Бригадир колхоза «Заря» утверждал, что любой руководитель должен не только знать свою производственную профессию, но уметь воспитывать подчиненных. Любой руководитель должен обеспечивать не только выполнение плана, но и непрерывность воспитания коммунистической сознательности и достоинства советского человека.

Мысли, высказанные в статье, были не новы. Но Балашова поразили оптимизм, молодое озорство, сквозившие в каждой строчке и удивительные для человека с такой невеселой судьбой.

Из разговоров с колхозниками Балашов почувствовал, что они ценят Столетова и верят в него. «Другого нам никого не надо, — говорили они. — Он хотя строгий, но справедливый, и с нами иначе нельзя». В таком отношении колхозников к своему вожаку не было ничего удивительного. За два года в колхозе произошли большие изменения к лучшему. Количество скота, особенно за счет свиней, почти удвоилось, построены новые фермы, введены «елочки», а главное — появились передовики, люди, которым колхозное дорожке своего личного.

Балашов не мог не улыбнуться, вспомнив, что в клубе по указанию Столетова портреты Лопатина и Зои были повешены равноправно, в одном ряду среди портретов Докучаева и Мичурина, в таких же золоченых рамах.

И в этом было что-то озорное, своевольное, но, увидев портреты, Балашов проникся к Столетову еще большей симпатией.

История с огородом оказалась не такой простой, какой выглядела вначале. Ниловна оказалась на редкость противной бабой: типичная си-

мулянтка и спекулянтка. Все условия и договоры со Светланой она отрицала: «Мое личное дело. Кому хочу, тому подмогну, и никто меня за это привлекать не имеет права. Я законы знаю». Вот все, что от нее удалось добиться.

Разговор с Задунайской еще больше запутал дело. Вначале она объясняла, что приусадебный участок у них совместный с Ниловой и обрабатывают они его обе. Светлане напомнили, что на огороде ее никто ни разу не видел. Тогда она стала сочинять, что отдала свой огород Ниловне из жалости и вообще все, что там растет и что отобрал председатель, принадлежит Ниловне. Балашов поинтересовался, почему Ниловне не хватает своего участка, и пошел посмотреть. Участок у Ниловны был не меньше, чем у других, и от воды не дальше. Половина гряд вскопана, половина заросла сорняками, репьем и хвощом.

Дело было темное. Балашов решил поговорить со Светланой еще раз, до того, как соберется бюро партийной организации колхоза. Он встретил ее, расстроенную, у фермы, и они условились встретиться в четыре часа в клубе.

Однако встреча несколько задержалась.

Произошло событие, насторожившее Балашова.

Направляясь к клубу, он увидел возле правления людей, столпившихся возле грузовых машин.

В толпе был и Столетов. Балашов подошел.

Колхоз провожал Варю и двух парней в район держать экзамены на курсы.

Вспотевшие парни в новых кепках, в пиджаках со значками уже молись в кузове, чокались друг о друга и пели. Оба они выпили, и им было весело.

Варя в застиранной будничной юбке и в жакете с плечиками обходила по очереди провожающих, целовалась с женщинами, церемонно, лопаткой протягивала руку мужчинам.

Дойдя до Столетова, она хотела его миновать, но он протянул руку первым.

Она остановилась, взглянула на него, собралась что-то сказать, но губы ее задрожали, и она поспешно отвернулась.

Рука Столетова немного повисела в воздухе и быстро, словно стыдясь хозяина, спряталась в карман.

А Варя обняла Зою, поцеловала ее холодными губами, нагнулась к Федьке.

— А ну, семью восемь? — спросил Федька.

— Пятьдесят шесть, сынок, — печально сказала Варя, поцеловала его в затылок и пошла к кабинке.

— У Вари Суворовой на меня и спасибо не осталось, — невесело усмехнулся Столетов.

— Спасибо, спасибо! — подхватила Варя, словно только и ожидала этого. Она поклонилась с издевкой, сделала по-старинному приветли-

вый полукруг ручкой.— Сто раз спасибо вам, Захар Петрович, что отсылаете меня из родной избы, с родной деревни меня выдворяете!..

— Опомнись, Варька! — ужаснулась Зоя. — Вовсе сдурела!

А парень, захмелевший от вина и зноя, закричал из кузова:

— Верно! Спасибо, Петрович! Выучимся, назад приедем, будем поднимать животноводство под вашим руководством.

— А вы живите, — продолжала Варя все громче и отчаянней. Видно, трудно было ей начать, а как разбежалась, так и пошло, и остановиться стало никак невозможно. — Живите в моей избе, грибки кушайте. В подполье цельный бочонок непочатый. Маринованные. Кушайте на здоровье и гостей потчуйте.

— Садись, ладно тебе, — толкала ее к машине Зоя. — Садись, бессовестная.

— И к нам заходите, — кричал из кузова парень. — И у нас грибы есть! Мамаша, слышь, как Петрович зайдет, чтобы все на стол! Чтобы честь по чести! Чтобы выпить и закусить.

— А гостей не забывайте, — выкликала Варя в исступлении. — Ласковой привечайте гостей своих дорогих, Захар Петрович. Ласковой!

— Не беспокойтесь, Варя, — раздался твердый голос Светланы.

— И ты тут! — крикнула Варя с какой-то странной радостью. — Это хорошо! Вот хорошо! Скажи мамке — полушалок у меня там остался в укладке. Пускай пользуется... Ничего не жалко! — Рыдания рвались из ее груди. — Толсто режу!..

— Послушайте... — начала было Светлана, но Столетов прервал ее.

— Уйдите, — сказал он тихо.

— Гости, на которых вы намекаете, не переступят порог вашего дома, — сказала Светлана. — Можете быть совершенно спокойны.

— Уйдите, — повторил Столетов.

Машина поехала. Оба парня упали в кузов. Народ потихоньку стал расходиться. Только Столетов глядел на пустую дорогу и еле слышно нахвистывал.

15

Бюро было назначено на шесть часов вечера.

Без четверти шесть Столетов вошел в клуб.

Скамейки стояли у стен, и в большом зале было пусто и гулко.

Растянув по половицам красное стираное полотнище, Светлана раскрашивала лозунг.

Она сидела на полу в широком комбинезоне. Рядом стояла консервная банка с краской. Фигурка дочери в грязном, не по росту комбинезоне выглядела в пустом зале жалкой и одинокой. Столетов остановился у двери и спокойно спросил издали, о чем она говорила с Балашовым.

Светлана взглянула на него снизу и ответила:

— Он сказал, в Московской области ливни.

Потом обмакнула кисть, соскребла лишнюю краску с края банки и принялась аккуратно выводить букву в слове «Приблизим...».

Столетов не уходил.

— Вы опоздаете на бюро,— сказала Светлана.

— Чтобы идти на бюро, мне надо знать — сказали ли вы... — Он поперхнулся и кашлянул. — Сказала ли ты, что ты моя дочь.

Светлана положила кисть и посмотрела на него долгим, загадочным взглядом.

— Нет. Все?

— Ну, а я могу сказать?

— А вы мне докладывали, что вы мой отец?

Столетов ответил что-то, но она не расслышала. Он никак не мог соразмерить голоса в гулком зале.

— Ну я — ладно,— продолжала Светлана. — Я для вас штатная единица. Но зачем вы издеваетесь над мамой? К чему это шутовство?

Столетов подошел к ней и сказал тихо:

— Понимаешь, глянул на нее — и как кувалдой по черепу.

— А почему она стала такая? — Светлана бросила кисточку. — Еще неизвестно, кому было легче — вам по ту сторону проволоки или ей по эту.

Столетов вздохнул и сказал виновато:

— Другие женщины держались, Светлана.

— Я тоже держалась... — Светлана горько усмехнулась. — В школе врала — папа погиб на войне, в техникум биографию писала — пропал без вести, здесь придумала — погиб в Испании... жила, как заразная, во лжи по самую макушку. Сама себя уверила, что заразная. Унизилась до полного унижения... Представляете: иду ночью с мальчишкой. Первая любовь, все как полагается... Луна... Отец у него, между прочим, шишка, секретарь райкома в Ленинграде. Идем по Марсову полю и целуемся... Если бы ты знал, с кем идешь, — думаю. И такая у меня тогда сладкая злость была и на него, и на весь мир, на всех... А когда его отца посадили, чуть не вслух думала: «Так тебе и надо, так и надо...»

Она обмакнула кисть, попробовала красить, но линия получилась кривая и волнистая.

Вошла Катя, сказала, что Захара Петровича ждут на бюро.

— Ступай, я сейчас,— бросил Столетов через плечо.

И когда Катя ушла, спросил снова:

— Так могу я сказать, что ты моя дочь?

— Вам не нужна мама, так зачем мне отец, — дерзко глядя ему в глаза, отрезала Светлана. — Какой вы отец? У вас искалечили семью, а вы?.. Вам известно, кто вас оклеветал?

— Известно.

— Кто?

— Это не имеет значения.

— Если бы ваша воля, что бы вы с ним сделали?

— Дурацкий вопрос. Ничего бы не сделал.

— Колоссально! — Светлана отошла и опустила на пол возле лозунга. — Так я и знала. У вас на душе ограничитель. До сих пор думать разрешено, а сверх того не положено...

Столетов вздохнул и пошел к выходу.

«Неужели вот так и уйдет молча», — подумала Светлана.

И, словно услышав ее мысли, Столетов остановился и сказал:

— Он сейчас работает, и пускай работает. Надо не назад смотреть, а вперед. В будущее.

— А вы тоже верите в пришествие коммунизма? — спросила Светлана с искренним интересом.

— Какая ты порченная, — поморщился Столетов.

— Не сердитесь. Я просто не понимаю. Вам выбили зубы, а вы верите.

Не глядя на нее, Столетов больно сжал ее руку, отпустил и вышел.

16

Балашов увидел Столетова первый раз во время проводов Вари.

Нельзя сказать, что инструктор обкома вынес благоприятное впечатление о председателе колхоза. «Правильно сигнализирует Дедюхин, — подумал он. — Надо снимать».

Но впоследствии, после короткой беседы со Столетовым, а потом, при разборе его дела на бюро, Балашова незаметно охватывало чувство любопытства и интереса к немногословному, непреклонному человеку.

В глубине души Балашову очень хотелось, чтобы проверка посевов подтвердила правоту Столетова. Тогда можно было бы с цифрами в руках доложить суть дела, не допустить несправедливого взыскания, поддержать хорошего человека, у которого забота о завтрашнем дне колхоза перевесила почтение и страх перед форменным бланком.

Во время выступления бригадира зазвонил телефон.

Звонили из обкома. Искали Балашова. Балашов взял трубку и начал с шуточки. Но по мере того как он слушал, лицо его бледнело и вытягивалось. Он проговорил: «Загадочная история», — но спохватился и, покосившись на присутствующих, стал слушать молча. Телефон висел на стене, стоять было неудобно, и Балашов сел на край стола. Слушал он довольно долго, произносил только «да» и «нет» и вернулся на свое место, рассеянно извинившись: «Простите, звонили из обкома».

— Можно продолжать? — спросил Костиков.

Лопатин кивнул.

— У меня такая реплика: человеку, который не выполняет прямых указаний выше нас стоящих организаций, колхозники не могут доверить руководство хозяйством. Снять с работы, и все дело.

— Не кипело, а поспело! — усмехнулся Иван Иванович.

— А я не смехом говорю! — вскинулся Костиков. — Поглядите, как он над людьми измывается! Вспомни, как на посевной чудил. Велел семена на штуки мерить. Мы перед им гусаками тянулись, рапортовали: «Засеяно сорок тысяч семян на гектар...» Это же курам на смех! А теперь косить не дает!

— Я и сейчас считаю, что косить рано, — сказал Столетов. — За Дедюхиным гнался, чтобы доказать...

Упоминание о Дедюхине почему-то обеспокоило Балашова.

— Одну минутку, — насторожился он. — Какие у вас отношения с Дедюхиным?

— Не жалует он меня.

— Почему?

— Маячу я у него пред глазами воплощенной укоризною, — грустно улыбнулся Столетов. — За это и ненавидит.

Лопатин не понял и переглянулся с Балашовым.

— Надо было убедить его, — сказал Балашов — Открыто отстаивать свою правоту.

— Я и старался, — объяснил Столетов — Гнался за ним до самой станции.

— До станции? — Балашов растерянно взглянул на Столетова. — Одну минутку. Когда это было?

— Позавчера.

— Когда именно?

— Ну днем... Под вечер...

Вопросы Балашова вызывали недоумение, но все молчали.

— И что же вы с ним, поссорились? — продолжал Балашов.

— Почему поссорились? Мирно беседовали. Даже выпивали.

— Минуточку! Вам было известно, что Дедюхину нельзя выпивать?

— Выпивать никому нельзя.

— А вы пили?

— Пили.

— Что?

— Зверобой... Нет, зубровку, кажется.

— Сколько?

— Пол-литра.

— Где вы пили?

— В садике. Возле станции.

— А почему не в буфете?

— Не понимаю.

— Почему в саду, а не в буфете?

Терпение Столетова лопнуло. Он поднялся со стула и проговорил: — Есть такая поговорка, что один чудака может задать столько вопросов, что...

— Спокойно, Захар Петрович! — постучал карандашом по столу Лопатин.

— Почему, почему... Спросите у Дедюхина, он вам разъяснит. Жирно разъяснит, по-дедюхински.

Балашов встал и сказал, опустив голову:

— Дедюхин теперь ничего, к сожалению, не разъяснит. Вчера тело председателя исполкома было обнаружено на станции...

Столетов ошеломленно спросил:

— Где? В садике?

Выдержав небольшую паузу, Балашов ответил:

— Да, в садике. Возле клумбы.

И сразу спросил:

— Как вы попали на станцию? На попутной? На мотоцикле?

Шофер Костров испуганно-вопросительно посмотрел на Столетова.

— Чего ты боишься? — сказал Столетов. — Говори, как было.

— Ну, значит, еду с известью, — начал Костров, запинаясь. — У околицы Захар Петрович. Всккивает на подножку. «Вези на станцию». — «Сперва известь, — говорю, — надо сгрузить, Захар Петрович». — «Мне, — говорит, — срочно. После, — говорит, — сгрузишь». Приехали на станцию. Захар Петрович соскочил... «Езжай, — говорит, — домой, известь сгружать...» — «А вы, — говорю, — как же?» — «А я пешком дойду, — говорит...» Больше ничего не знаю, — добавил он с облегчением.

Все молчали. Только бригадир обратился за уточнением к Кострову:

— Так он тебе прямо и сказал: «Покончить»?

Костров растерялся, а Столетов раздраженно бросил:

— Да. Так и сказал.

— А тогда у меня к тебе, Петрович, будет вопросик... Только не знаю, как сформулировать.

— А ты давай без формулировок, — посоветовал Лопатин. — По-будничному.

— Про какую это он укоризну говорил? — наклонился бригадир в сторону Столетова, словно приготовился не упустить ответа. — Про ненависть? Я недопонял. Пускай разъяснит.

Столетов молчал. Он вспоминал свою последнюю беседу с Дедюхиным, вспоминал его бледное лицо, мутные глаза, вспоминал словечко «Паганель» и с недоумением чувствовал, что ему жаль этого человека.

— Разъясни, Захар Петрович, — напомнил ему Лопатин.

— Не имеет значения... Дела личные. Нечего тут разъяснять.

— Конечно, — протянул Костилов. — Поскольку «приятеля прикончить», значит, разъяснять нечего...

— Не «приятеля», а «с приятелем», и «не прикончить», а «покончить». Да ты что? — потемнел Столетов. — Думаешь, я ему в рот воронку загнал?

— А ты не ори! — сказал бригадир. — Не на посиделках.

— А ты не плети чего не следует... — впервые за все заседание Столетов вышел из себя.

Начался шум, но в это время принесли данные подсчета стеблей, принесли для наглядности и образцы кукурузы, и члены бюро склонились над цифрами.

Результаты проверки оказались неутешительными. Уцелело пятнадцать — двадцать процентов стеблей — не больше. Остальные опалены так, что их не оживишь и святой водой, не то что дождями.

— Не может быть, — сказал Столетов. — Наверное, Светлана на тычке считала.

— Хочешь сказать, что она нарочно, с целью? — осклабился бригадир. — Гробит своего любимого председателя?

— Этого я не хочу сказать. Просто по неопытности. Дошла до ближнего бугра и стала считать. А там и так видно, что все посохло. Там сухой обдувает...

— Минутку! — сказал Балашов. Он один не подходил к столу и совершенно не интересовался состоянием посевов.

То обстоятельство, что Дедюхин был на полустанке вместе со Столетовым, поразило его. В обкоме этого еще не знали. По телефону сообщили только, что причиной сердечного приступа был алкоголь. Такого было медицинское заключение.

Одинокая выпивка председателя исполкома на полустанке казалась необъяснимой и смахивала скорее на самоубийство, чем на выпивку. Запуганный врачами Дедюхин боялся спиртного, как огня, и не пил не только водки, но даже и пива.

Теперь, когда выяснилось, что выпивал он не один, а со Столетовым, дело осложнялось еще больше.

Отношения Столетова с покойным были далеко не приятельскими — это знали все. Реплика Столетова о том, что Дедюхин его ненавидит, вряд ли звучала сильным преувеличением.

Чем больше обдумывал Балашов несчастное событие на полустанке, тем темнее оно казалось.

И правда, каким образом два недруга, один вовсе непьющий, другой тоже спиртное не особенно жалующий, сели за пол-литра и стали чокаться? Почему они свиделись не где-нибудь, а именно на пустом, безлюдном полустанке? Что подразумевал Столетов под «воплощенной укоризной»?

Если Костилов станет утверждать, что Столетов заставил Дедюхина выпить насильно, — опровергнуть такое утверждение, каким бы диким оно ни казалось, — будет нелегко. Самому Господу Богу не разобраться, что было у Столетова на уме, когда он выпивал с Дедюхиным.

«А не проявляю ли я близорукость? — подумал Балашов. — Не слишком ли поддаюсь благодушным настроениям... Ведь таких категорий, как принципиальность и бдительность, никто не отменял. Если разобраться — что хорошего в этом Столетове? Чем он вызывает сочувствие? Тем, что сидел, — и ничем больше? Человек сведомый, закрытый, се-

бе на уме. Отношения с людьми у него не простые. Чего стоит, например, инцидент на проводах Вари Суворовой...»

— Минутку! — повторил Балашов. — Вот что, товарищи. Есть предложение не отвлекаться и заканчивать с вопросом Захара Петровича. Причем учтите, случай на полустанке — особая статья. Этот случай на наше решение влиять не должен. — Последние слова он произнес с особенным нажимом, словно старался убедить не только других, но и себя. — Вместе с тем прошу вас отнестись к вопросу серьезней, с должной ответственностью, продумать объективные факты и до конца оценить их. Возьмем нечуткое отношение к Задунайской. Разве так нас учит партия относиться к специалистам? А сопротивление милиции? А материальный урон колхозу и государству, который еще придется подсчитать с карандашом в руках...

Балашов сел прямой, достал из нагрудного кармана гребенку и причесался. А когда Столетов с горечью отшутился на какой-то нелепый вопрос бригадира, подул на гребенку и сказал жестко:

— Давайте серьезней, товарищи. Мы действительно не на посиделках.

И все пошло по второму кругу.

Костиков сочувственно взглянул на Столетова и начал:

— Мы тут стараемся, ангела из Петровича лепим, выгородить его норовим. И я не злодей. И я, в общем, не против. Петрович вперед на много грехов отстрадался. А все ж-таки давайте оглянемся на народ. Ну, уважим мы Петровича, ну, простим. А что народ скажет? Ведь все же видали: является товарищ Столетов на личный огород агронома, отпикивает Светлану, так что она, добрая душа, коленку покорябала, и силком, как оккупант какой-нибудь, скрупулезно отбирает все ее личные овощи и замыкает на колхозном складе. Меня народ спросит — так партия учит относиться к молодым специалистам? Что я людям скажу?.. Есть предложение пока что снять с работы, а там выдать будет. И все дела.

— Ишь ты! — сказал Иван Иванович. — Не жила, а родила!.. Надо вперед разобраться.

— А мы и так разобрались. — Костиков развел руками. — И новые факты появились. Портрет дорисовывают.

— До того дорисовывают, что Захар Петрович уж и на себя походить перестал, — сказал Лопатин. — У меня предложение — отложить заседание... Давайте передохнем. А то дров наломаем.

— Чего откладывать, — удивился Балашов. — Все ясно. Давайте решать.

Так Дедюхин, навредивший Столетову при жизни, не оставил его в покое и после своей кончины.

В результате обсуждения решили: объявить Столетову по партийной линии строгий выговор с занесением в личное дело, а общему собранию колхоза рекомендовать снять его с должности председателя.

— А пока работай с прежней энергией, Захар Петрович, — сказал Балашов, когда все, не глядя друг на друга, расходились.

Балашов был человек честный и умный. Он быстро выдвинулся, стал секретарем райкома, перешел на руководящую работу в область.

Прошло с той поры несколько лет, но ему всегда было стыдно вспоминать и эту фразу и обстоятельства, при которых она была сказана.

17

С утра неизвестно кто пустил по деревне сплетню, что Столетов хитроумным способом загубил Дедюхина и что из области уже приехал человек секретно разобраться в этом темном деле. Почти все колхозники и даже племянница Дедюхина Зоя не верили, отмахивались, говорили: «Что мы, Петровича не знаем, что ли?».

Но сплетня зудела, как муха по стеклу, и, кроме того, из области уполномоченный действительно приехал.

К обеду и мужчины стали прислушиваться к бабьим пересудам, задумываясь, вспоминать, как не ладили Дедюхин и Столетов: «Сойдутся и цапаются, как барбосы».

Но мало ли кто не ругается по работе? Так просто, за худой характер, никто не станет губить живую душу. Должна быть конкретная причина.

Подумали — и нашли конкретную причину: Дедюхин приказывал косить кукурузу, а Столетов категорически отказывался. За это и уцепились.

С самим Столетовым никто, конечно, не заговаривал, но он чувствовал шепоток за спиной и не мог не догадываться — про что шепчут.

Впрочем, это вовсе не мешало ему заниматься своими обычными делами.

Рано утром он задержал возле свинофермы Светлану и объявил, что она не умеет производить выборочное определение качества посевов. Для получения надежных результатов надо назначать четыре, а лучше пять квадратов, различных по густоте и качеству растений, определить их состояние и вывести среднее арифметическое.

Светлана слушала его вежливо, стараясь показать, что вежливость эта проистекает только из тех особых отношений, в которых они случайно оказались, и ни от чего иного.

Она выслушала его молча и собиралась идти.

Он остановил ее снова и пояснил, что если вчерашнюю «липу» она представила на бюро только от невежества, — это еще полбеды, но если квадрат на самом гиблом участке выбран сознательно, чтобы угодить начальству, — настоящего агронома из нее никогда не выйдет.

Светлана терпеливо слушала.

— Так вот, — сказал Столетов, — отбейте пять квадратов и посчитайте заново.

Светлана сказала, что на сегодня у нее запланированы другие дела и ей некогда. Столетов велел все другие дела отставить, а кукурузу проверить немедленно. Результат оформить, вечером найти его, где бы он ни был, и доложить.

Она попробовала отговориться, но Столетов сказал:

— Все!

И пошел куда-то, насистывая: «Наш паровоз, вперед лети...»

А Светлане пришлось обходить с бригадами поля, назначать участки, отмерять квадраты и снова приниматься за тупую, скучную работу.

Глухо, по-деревенски повязанная фестивальной косынкой, злущая и обиженная, ходила она под палящим, расплавленным солнцем, в лифчике и в узких брючках, и пересчитывала сухие стебли.

Прижатый черными очками липовый листочек спасал ее красивый нос от горячих лучей.

Часам к двенадцати на дороге появилась Ниловна с мешком за спиной и с бидоном. Она передохнула и завела на целый час:

— А Дедюхин-то нашему: «Ты, — говорит, — мне за косилки карманом ответишь. Я, — говорит, — за это из твою кармана пять тысяч штрафа выну. Тогда небось образумишься. А наш-то, свистун, загнал его в лес дремучий да силком заставил из горлышка хлебать... Чистый, говорят, спирт... Так батюшка целную литру без закуски и выкушал. Доктора говорят — все нутро черное, ровно уголь... Все сгорело!.. Вон он, душегуб, нет от него нигде спасенья...

Увидев Столетова, старуха стала упрягаться в мешок.

Столетов шел к Светлане.

Еще со времени учительства укоренилась в нем привычка проверять самому заданную работу.

— Спину не ломит, Ниловна? — спросил он с надеждой.

— Куда там, родимый, — сахарным голосом запела она. — И вчера же не болела и сегодня. Ночью вроде зануло немного, а сейчас обратно ничего. Прямо беда...

— Ты куда это собралась? — нахмурился он, увидев бидон. — У тебя наряд. Тебя Иван Иванович ждался.

— Ну и что, что ждался... — огрызнулась она. — Питаться мне надо или нет?

— Опять на базар? Смотри, в стенгазете продернем!

— Продергивай! Недолго терпеть осталось!

Столетов проводил ее глазами и спросил Светлану, как подвигается дело.

— На этом участке — сорок два погибших стебля, — сказала Светлана.

— Я бы на твоём месте считал живые. Их считать веселей... Ниловна небось тоже болтала, что я Дедюхина загубил?

Светлана промолчала.

— Ну, хорошо, ладно,— продолжал Столетов.— Загубил так загубил. А за что, не интересуются?

— Интересуются,— хмыкнула Светлана.— Будто он вас штрафом пугал. Тоже мне, нашли причину.

Столетов насторожился.

— А ты что? Только в причину не веришь? А если бы была другая причина, поверила бы?

Его тон заставил ее обернуться.

— Если бы, понимаешь, была солидная причина,— продолжал он вкрадчиво,— погорячей, чем штраф.

Светлана сняла очки и уставилась на него. Листочек тихонько упал с носа на землю.

— Если бы, к примеру, он на меня в тридцать седьмом донос сочинил. Тогда как?

Она побледнела и попятилась, будто прямо на нее шел трактор.

— Что же ты? — Столетов невесело осклабился.— Что отодвигаешься? Кидайся на шею, дочка. Перед тобой сплошной Монте-Кристо. От прыток до макушки. Гордись отцом. Радуйся... Чего же ты? Сама ведь инструктировала.

Светлана смотрела на него с испугом, старалась сообразить, шутит он или говорит серьезно.

— Эх ты, никудыха! — огорченно проговорил Столетов и пошел с поля.

«А ведь поверила,— размышлял он растерянно.— Может, не на все сто, а на пятьдесят процентов поверила. Раскололи девчонке душу, вдребезги раскололи».

Он шел наискосок по сухим рядкам, и длинные, какие-то нерусские листья кукурузы шуршали возле его ног, как солома.

Так он и дошел до деревни, не замечая ни жары, ни пути.

Возле правления попалась ему навстречу расстроенная Любаша.

— Захар Петрович! — закричала она на всю улицу.— Да что же это? Захар Петрович!..

— Что с тобой?

— Про вас болтают, будто вы Дедюхина сгубили. Так вы не верьте этому, не верьте.

И, всплеснув руками, она побежала в избу.

Столетов улыбнулся.

Его рассмешило, что ему, здоровому заскорузлему мужику, прошедшему огонь и воды, достаточно самой малой малости, одного нежного словца, чтобы тоска отпустила сердце и мир снова становился разноцветным, как радуга. «Не мужик, а девушка с веснушками», — подумал он про себя, а вслух сказал:

— Ишь ты, какая жара.

Он послушал, как далеко на лугах, от земли до неба сухо трещат

кузнечики, и пошел проверить, как продвигается отсыпка дамбы у пересохшего пруда.

По предложению Ивана Ивановича в колхозе решили разводить зеркального карпа, и дело теперь было только за водой.

18

В пятницу Столетов засиделся в правлении допоздна.

В пустой избе неприбранная постель, грязные миски. И мухи слетались со всей деревни, словно их известили, что Варя уехала. Чего туда идти?

Просматривая заявки на механизмы, Столетов качал головой. Второй бригаде зачем-то понадобился картофелеуборочный комбайн ККР-2, а по нынешнему урожаю для копки картофеля двух старух за глаза хватит. Первая бригада просит тракторы на двойку паров. Лопатину было велено проверить, где нужно двойить, а где можно обойтись и без двойки, да что-то все нет Лопатина...

Понапишут безрассудно, с запросом, а потом жалуются, что МТС все зерно забирает.

Лопатин прибыл на своем мотоцикле часов в одиннадцать ночи, сел исправлять заявку. Он сообщил, между прочим, что колхозники узнали про его особое мнение, хвалят его и собираются поддерживать на общем собрании.

— А ты полегче там козыряй своим особым мнением. Какой ты секретарь, если идешь против решения бюро, — сказал Столетов. — И не нужно оно никому, твое особое мнение. Ни мне не нужно, ни тебе.

— Народу оно нужно! — немного обиделся Лопатин. — Колхозу!

Увидев печальные глаза Столетова, улыбнулся и добавил:

— Сам научил принципиальности, Петрович. Терпи.

— Не останусь я тут, Юра, — тихо сказал Столетов. — Чего глядишь? Не бойся! Голова при мне. Колхозов на мою долю хватит.

— Да вы что! А мы как же?

— А что, в деревне людей нету? Ту же Зойку возьми. Своего мужика укротила — с колхозом тем более справится. Или ты. Человек солидный, женатый... Руководство, Юра, штука несложная. Надо только дело знать и каждую минуту помнить, что нету мудрости выше мудрости народа. Почему Дедюхин бросил клич на весь район — косить кукурузу? Потому что считал: раз я председатель исполкома, значит, я районный Карл Маркс. Теперь смотри, как народ думает. Один поглядит свои поля и скосит, другой поглядит — кое-где, в низинках, листочки дышат — скосит выборочно, третий вроде меня погодит недельку-другую, поскольку у нас и агротехника на высоте и гибрид надежный. Придет дождик или не придет, а кому-то из трех подфартит, и район в любом случае будет с кормами. А по-дедюхински — либо пан, либо пропал. Та-

ким манером в «козла» еще можно выиграть, да и то у дураков, а хозяйство вести нельзя.

— Не пойму я тебя, Петрович,— сказал Лопатин, пропустив мимо ушей длинное поучение.— Ты же сам не был согласен. Собирался бороться...

— Есть обстоятельства, Юра...— пряча глаза, проговорил Столетов.— Без зарплаты работать могу, без харчей могу, а без доверия — хоть ты мне тут ковров персидских настели — ничего у меня не выйдет. Не могу без доверия существовать ни в семье, ни в колхозе.

У него щекокнуло в носу. Он тронул пальцем угол глаза и посмотрел. На пальце блестела капелька. Он удивился, осторожно проверил другой глаз. Заблестела еще одна чистая капелька.

Столетов усмехнулся и покачал головой. Давненько этого с ним не бывало.

— Ну как, пошел бы с таким плаксуном в разведку? — спросил он Лопатина.

В дверь тихонько, мизинчиком постучали.

Вошла Людмила Сергеевна.

— Пойду,— сказал Лопатин.— Супруга одна. Боится.

— Ступай к супруге. Так и не удалось нам с тобой за два-то года по душам поговорить... Дела.

Людмила Сергеевна долго объясняла, что должна ехать, что ее ждут больные дамы и что она должна терпеливо нести свой крест.

Столетов понял, что она пришла просить машину до станции, но слушал не прерывая.

— Ну что же, до свиданья,— сказал он, поднимаясь.— Завтра поедет грузовая за известью. Можете садиться в кабинку.

— Спасибо,— бледно улыбнулась Людмила Сергеевна.— Только я еду не одна.

Она достала из сумки сложенный вчетверо голубой листок бумаги и протянула Столетову. Это было заявление Светланы об увольнении по собственному желанию.

— Это что, она сама написала? — спросил он растерянно.

— Конечно,— улыбнулась Людмила Сергеевна.

Столетов подумал немного.

— Ну что ж. Подпишу, пока при власти.

Он размашисто написал в углу «Бух. Оформить» и протянул листок.

— Мерси! — сказала Людмила Сергеевна.

Она сунула бумагу в сумочку и дробными шажками направилась к выходу.

— Погоди, Людмила Сергеевна,— проговорил Столетов, поднимаясь из-за стола.— Встретились мы с тобой по-плохому, давай хоть попрощаемся по-хорошему.

Он подошел к ней, взял ее за руки.

— Ты прав, Захар...— сказала она.— Мы не смогли бы ужиться. Когда-то я мечтала работать в деревне... И чтобы у меня были обязательно куры... Но теперь нет... Без коммунальных удобств... Нет, нет, никогда.

— У тебя деньги-то есть хоть?

— Мерси, Захар. Я не люблю говорить о деньгах... Как ты тут?

— Ничего. Бывало, иду в бригаду, по дороге мечтаю: дойду, мол, до кустиков, а навстречу — Людка. То есть ты, значит. Теперь и этой мечте конец...

— Кстати, что у тебя с этой дояркой? Любовь или страсть?

Столетов поморщился и убрал руки в карманы.

— Страсти-мордасти,— сказал он.

— Не паясничай. Это тебя дешевит... А со Светой ты разговорчив. Даже слишком.— Она плотно закрыла дверь и сказала шепотом:— Разве можно было открываться Светочке?

— Ты это про что?

Она погрозила ему пальцем.

— Будто не понимаешь... Ну про Дедюхина, про донос, конечно... Опять не понимаешь? Ведь если то, в чем ты признался Светочке, станет известно местным жителям,— ты пропал.

— Вот теперь понятно. Неужели догадались?

— А как же иначе! Ты что, действительно всех кругом за детей считаешь?.. Ну не сердись, не сердись. Между нами, я тебя совершенно не виню... Но девочку ты своим признанием поставил в ложное положение. Слава Богу, мы уезжаем и...

— Дай-ка ее заявление,— сказал Столетов сквозь зубы.

— А что, надо еще где-нибудь завизировать?

Она стала копаться в сумочке, достала голубой листочек.

Столетов взял его, порвал на мелкие лоскутки и выбросил в окно.

— Что ты делаешь! — закричала Людмила Сергеевна.

— Она не поедет. Не пущу.

— Как так?

— А так. С вами она вовсе пропадет.

19

В субботу Светлана мылась в баньке Ниловны. Было приятно на чистом скобленном полке, нежарко.

— Спинку потереть, дочка? — предложила Ниловна.

— Не надо, бабушка, я сама,— откликнулась Светлана сверху.— А то председатель пришлет эксплуатацию человека человеком!

Старуха поворчала и побегла нагишом на реку за холодной водой. Когда мать объявила, что Столетов порвал ее заявление, Светлана не огорчилась. В колхозе, конечно, скучно, но жить с матерью, постоянно видеть обмазанные жирным кремом морды, слушать однотипные разговоры о тряпках и изменах еще скучней. Такая тоска!

Заявление Светлана написала главным образом для того, чтобы узнать, как поведет себя Столетов. Порвал — и хорошо. Станет обзывать никудыхой, можно поинтересоваться: «Чего же вы никудыху не отпускаете по собственному желанию?»

Ей вспомнилось, как Столетов рассказывал Варе, что заключенные коммунисты помогали товарищам, поддерживали больных и упавших духом, вселяли бодрость и уверенность в будущем, в неизбежной победе справедливости.

Иногда было нелегко. Столетов вспоминал, как трудно было с профессором-ихтиологом. Профессор твердо поверил, что он враг народа, и разубедить его долго не удавалось.

Но Светлана — не профессор-ихтиолог, и вбить ей в голову, что она никудышный человек, никому не удастся!

— Ниловна! — сердито закричала она. — А пар можно сделать? Ну, так, как вы моетесь, деревенские! Можно?

— Так ведь ты жар не уважаешь?

— Уважаю!.. Давай, Ниловна! Я ничего не боюсь!

Ниловна перекрестилась, плеснула на каменку. Шумно дунул горячий пар.

— Будет?

— Еще, еще, Ниловна! — отчаянно кричала Светлана.

— Господи Иисусе...

Каменка ахнула. Силой пара распахнулась дверь.

— Ну как теперя?.. Будет?..

Светлана попробовала париться, но веник обжигал как огонь. Голова кружилась. Она легла, стиснув зубы, на душистый, березовый веник. Пар жег уши, спину, но она терпела. Она докажет всем, всем докажет, что она вовсе не никудыха.

Она не понимала, что происходит с ней в последние дни. С малых лет приспособившая свою врожденную гордость к изгибам жизни, она, наконец, усвоила манеру поведения, которая доставляла меньше всего хлопот: она решила презирать все то, что считалось дорогим и добрым, и насмехаться над принятыми взглядами и обычаями. Войны она не боялась, смерти — тоже. Она считала отсталыми не только тех людей, с которыми сталкивалась, а всех без исключения, все население земного шара. Она презирала род человеческий, так и не сумевший за многие тысячи лет наладить сносную жизнь на земле. Тех, кто восторгался Гомером, Пушкиным, Стравинским, она считала круглыми идиотами.

Простачки восхищались ее отважной наглостью и верили, что ей открыты какие-то особые законы поведения передового, свободного человека.

Но она знала, что за душой у нее нет никаких законов, никаких принципов — ни передовых, ни отсталых.

Душа ее была пуста.

Долгое время она думала, что этого никто, кроме нее, не замечает. К сожалению, оказалось, что Столетов видит ее всю насквозь, как будто она стеклянная.

Особенно остро почувствовала она это на кукурузном поле, когда Столетов без труда прочел ее затаенные мысли. Он издевался над ней совершенно в том же «лагерном стиле», как над мамой. Она поверила его рассказам настолько, что невзначай проговорила Костикову... Только к вечеру до нее дошло, что отец просто-напросто показал, сколько копеек стоят ее детские попреки в клубе. А она попала на удочку, дура оказалась — вся в маму.

Столетов ее презирал, это было ясно.

Он и справку не показал на бюро из-за этого. Ему было совестно, что у него такая дочь. Стыдно ему.

Первый раз в жизни Светлане довелось почувствовать, до чего невыносимо, когда за тебя стыдно близкому человеку.

Она успокаивала себя, убеждала быть «выше этого», но успокоительное презрение к миру уже не приносило облегчения, и она все чаще жалела, что врала про мужа, которого у нее никогда не было, про лифт, про любовника...

В конце концов Светлана решила вести себя со Столетовым, как всегда в затруднительных случаях, «наоборот».

Хорошо бы, например, завтра на общем собрании, когда будут снимать Столетова, встать и признаться, что нанимала Ниловну на свой огород, сказать про справку, которую утаил председатель.

Это было бы оригинально. Никто не ожидает, что она решится выгораживать Столетова, особенно теперь, когда на председателя легла темная тень дедушкинской кончины.

Внезапно ей вспомнилось, как мама упоминала про дедушку из «Прогресса». Он болтался на полустанке, когда Дедушкин со Столетовым распивали эту несчастную рябиновку, и, может быть, видел, что там было. Вот бы найти этого деда, расспросить его хорошенько и, если он скажет что-нибудь в пользу Столетова, привезти завтра на собрание как свидетеля... Все равно маму провожать — а от станции до колхоза «Прогресс» недалеко.

Благородная идея — найти дедушку очень понравилась Светлане. Вот когда Столетов действительно удивится!

Светлана пропела что-то и попросила Ниловну поддать парку.

Но старуха озабоченно глядела в маленькое окошко.

— Никак беда, дочка... — сказала она. — Уж не горит ли что? — И побежала одеваться.

У нее был тренированный нюх на несчастья: под обрывом, на краю деревни, горела банька Тихона Парамонова, того самого, который убил ласточку.

Светлана оделась, прихватила китайский эмалированный тазик и побежала к месту происшествия.

Банька была плохонькая, никто, кроме хозяина, мыться в ней не решался: старые стропила прогнили и покосились. Люди тушили без азарта, с шуточками. Туши не туши — все равно развалится.

Босой волосатый Тихон в солдатских подштанниках, крепко выпивший ради субботы, устроившись на камушке, потирал сведенную судорогой ногу и срамил добровольных пожарников:

— У человека — стихийное бедствие, а вам — смех! Пособить не можете! У меня пинжак там остался!

Светлане было над чем поехидничать. Пожарный инвентарь берегли под замком, за сеткой, ключ от замка был у Ивана Ивановича, а Иван Иванович уехал в МТС. Пока сбивали замок, пока бегали на ферму за огнетушителем, банька горела сильнее, и огонь то там, то здесь стал показывать алые язычки.

Порядка не было до прихода председателя. Столетов отогнал ребятишек, велел парням образовать цепочку от реки до баньки, одного послал за насосом, другого — за баграми, третьего — к правлению, сказать, чтобы перестали звонить в рельс.

— Чего это она загорелась? — спросил Столетов хозяина. — Небось, самогон гнал?

— А ты сунься туда да нюхни, — огрызнулся Тихон.

— Скажите, Захар Петрович, — спросила Светлана, — к вам случайно старичок не подходил, когда вы сидели с Дедюхиным на станции.

— Какой старичок? — удивился Столетов.

— Колхозник. Из «Прогресса».

— Приходил. А что?

— Какой он? Как выглядел? Не можете припомнить?

— Да вам зачем?

— Так надо. — Светлана прищурилась.

— А, понимаю! За меня хлопчете? Свидетеля ищете? Да? Ну, а если бы не подошел этот мужичок? Если бы не было в ту пору деда? Тогда как же? Пропадать мне? А?

Светлана растерялась. А он спросил с хорошо сделанной вежливостью:

— Вы что же сюда, поинтересоваться зашли? На огонек?

— Нет, не на огонек!

Она с яростью сверкнула на него глазами, подбежала к берегу, набрала в эмалированный тазик воды, хотела плеснуть на выбивавшееся из-под кровли пламя, но попала в Тихона, который как раз в эту минуту рвался в предбанник.

— Пусти! — кричал он пьяным, плачущим голосом. — У меня пинжак там! Документы! Пусти!

Светлана бросила тазик и оглянулась. Столетов смеялся.

Она закусила губу и, понимая, что делает глупость, бросилась в предбанник.

Впоследствии она пробовала разобраться в причинах этого странного поступка. Конечно, ей не было дела до одежды Парамонова. Она бросилась за пиджаком, чтобы доказать, что она не никудах. И не кому-нибудь доказать, не людям, не Столетову даже, а в первую очередь самой себе. Когда отец засмеялся, когда она поняла, какой жалкой она представляется ему со своим эмалированным тазиком в руке, у нее вдруг помутился разум и она стала как ненормальная.

Она помнила, как ее обдало едким дымом, как тлела кофточка, как наверху взвизгнули и затрещали стропила. Потом что-то треснуло ее по голове, и она потеряла сознание.

Светлану вытащили из-под горящих жердин и положили на травке. Столетов, склонившись над ней, закричал не своим голосом:

— Доктора!

— Что с тобой, Петрович? На тебе лица нет,— спросил подошедший к тому времени Лопатин.

Столетов ответил:

— Дочка она мне приходится, Юра. Родной дочкой. Вот какая петрушка.

20

Обсуждать Столетова собрались человек триста колхозниц и много колхозников.

Одни пришли со своими скамейками, другие уселись прямо на траве, женщины в свежих белых платочках, мужчины в кепках и в газетных треуголках. По случаю жары пионерки с ведрами разносили по рядам колодезную воду. Сперва выделили на это дело двух девчонок, потом четырех — поскольку двое не управлялись.

Собрание было подготовлено хорошо.

За длинным столом президиума, кроме Столетова и других знакомых, Лопатина, Балашова, Ивана Ивановича, Костикова, сидел увешанный медалями и значками дядечка с чисто выбритой румяной лысиной. Присел он скромненько, у самого края стола, даже как-то на уголке. Кто он такой был — неизвестно. Знали только, что его привезли на замену Захара Петровича — припасли в будущие председатели. Женщины с любопытством поглядывали на незнакомца, но понять его не могли. Он сидел покорно, как в очереди к зубному врачу, и на выступления не реагировал.

Рядом с ним сидела Светлана, живая, здоровая, и только ссадины на щеке напоминали о вчерашнем безрассудстве.

Одним из первых попросил слова уважаемый всеми член правления Иван Иванович.

Он сказал, что наука, культура и техника развиваются в нашей стране бурными темпами, с каждым днем становится больше курсов, техникумов, школ и так далее, нужда в хороших учителях растет, и поэтому,

если смотреть государственно, Захара Петровича надо вернуть в школу, а с председателей убрать по собственному желанию.

Ивану Ивановичу похлопали, не совсем, правда, разобравшись, говорил он всерьез или разыгрывал дурачка.

Хотя многие жалели Столетова и знали, что лучшего председателя им не найти, выступать в его защиту не решались.

Одни считали, что смена руководства определяется высшими, недоступными их понятию соображениями, другие просто робели пойти против заготовленного начальством решения и на подстрекательский шепот соседей отвечали: «А чего? Мне больше других надо, что ли?» — третьи привыкли относиться к собранию, как к условному обряду, в котором их единственной задачей было в лад со всеми поднять руку (впрочем, к этой обязанности они относились с полной серьезностью), четвертым, благополучие которых было связано с городской родней, вообще было наплевать, кто будет председателем.

И на всех вместе, на все собрание не могли не влиять темные слухи о смерти Дедюхина...

После Ивана Ивановича слова попросил Костилов.

— А если взять такой штрих, — сказал он. — Сколько народу перештрафовал товарищ Столетов? Надо прямо сказать — массу. А ведь не может быть, что все вы нечестные — ведь вы честные люди. А кровную дочку до чего довел? Она, добрая душа, отдала Ниловне свои несчастные сотки, а тут является Столетов и силком отбирает овощи, как оккупант какой-нибудь...

— Я одна здесь виновата, — прервала его Светлана. — И прошу кончить с этим.

— Ты молчи! — отмахнулся бригадир. — Ее ограбили, а она виновата.

— Огород принадлежит мне, а не Ниловне. А Ниловну я нанимала. Ясно?

Бригадир поглядел на нее, раскрыв рот.

— Чтобы она сама на себя такую клевету возвела, никогда не поверю. Пока на бумаге не изложит — не поверю.

— А я давно написала заявление.

— Где же оно, твое заявление?

Столетов нахмурился, достал из кармана голубой листок и протянул бригадире.

Бумажка пошла по президиуму, от одного человека к другому.

— Захар Петрович, почему вы не ознакомили нас с этим документом? — спросил Балашов строго.

— Почему, Петрович? — уставился на него Лопатин.

Столетов молчал.

— Вот будет у тебя, Юрка, дочка, тогда поймешь, почему! — пояснил Иван Иванович. — Мы уже постановили, что овощи председатель забрал справедливо, и нечего к этому возвращаться.

— Ну ладно, пускай справедливо, — сказал Костиков. — А как расценить такой факт: когда пришло время держать ответ за кукурузу, Столетов сам не поехал, а послал Лопатина. Это что — справедливо?

— Погоди, Костиков, — поднялся Лопатин. — Тут ты Захара Петровича опять не угадал. Не поехал он со мной потому, что верил в меня больше, чем я сам в себя верил. Научил меня Захар Петрович сознавать свою силу, человека в себе уважать — и спасибо ему...

— Верно! — закричали из дальних рядов. — Пусть Петрович остается!

— А вы меня не сбивайте! — кричал Костиков. — Если поставить вопрос — уважают товарища Столетова колхозники? Та же, к примеру, Ниловна? Надо прямо сказать — не любят они его...

— А тебя кто любит? — перебила его Ниловна. — Тебя не то что твоя баба, тебя и кошка не любит. Ты в избу — кошка под лавку...

Кто-то крикнул:

— Мели папаша, власть-то наша!

Собрание неожиданно накренилось.

Костиков, конечно, перегнул палку. Чем сильнее он порочил Столетова, тем активней проявлялась симпатия колхозников к своему председателю.

Балашов одним из первых увидел непорядок и попросил слова.

Он обстоятельно разъяснил, что заслуги Столетова никто не отрицает, отметил все хорошее, что сделано в колхозе за два последних года, осветил воспитательную деятельность Столетова, перечислил его положительные качества: прямоту, честность, справедливость — и только после этого выставил беспспорную претензию: невыполнение директивы вышестоящих организаций.

Балашова слушали внимательно, с уважением, но, как только он дошел до злополучной директивы, какая-то старуха из дальних рядов пронзительно крикнула:

— Мы своим председателем не торгуем!

И за ней, как по сигналу, стали кричать со всех сторон:

— Пускай Петрович остается!

— Другого нам не надо!

— Тише, женщины! — Балашов поднял руку. — Говорите по одной!

— Мы по одной не можем! Петрович достойный!

Балашов пожал плечами и наклонился к Столетову:

— Поскольку так получилось, давай исправлять на ходу. выступи с самоотводом.

— Туча, — сказал Столетов.

— Что? — не понял Балашов.

— Туча! — повторил Столетов. — Видишь, Юрка?

За рекой, окантованная лучами солнца, плыла серенькая тучка. Как будто прислонившись к ней, стояли ровные плахи дождя.

Тучку заметили. Народ зашумел, оживился.

Дождь шел у соседей, в «Мичуринце». Правда, дождик скупой, реденький, но все-таки дождик — небесная вода.

— Может, и к нам притянет? — спросил Столетов.

— Нет, — усмехнулся Лопатин. — Стороной обойдет. Костикова заботится.

И правда, зловредный Костиков снова прорвался на трибуну и махал длинными руками.

Ему во что бы то ни стало приспичило задать вопрос Ниловне, причем на виду и в открытую, чтобы все слышали.

— Ты, бабушка, при Захаре Петровиче медовая, — начал он. — А за его спиной что болтаешь? А ну, скажи? Что язык прикусила?

— А что? — спросил Балашов.

— А что — про это дочке его известно. Захар Петрович сам ей на ушко шепнул. Так или не так, Светлана Захаровна?

Костиков спрашивал тихонько, будто подкрадываясь. Очевидно, ему было известно что-то новое и интересное.

Светлана смешалась, опустила голову.

— Позабыла, что говорила? — продолжал Костиков. — Тогда мы тебе напомним. По чьей вине твой папана страдал? А? Молчишь или не слышать? Кто на него донос написал?

Столетов нахмурился и посмотрел на Костикова так, словно первый раз в жизни увидел его.

Народ затих.

— Дедюхин на него донос написал, — продолжал Костиков, любуясь тем, что его сообщение оказалось еще более неожиданным, чем тучка. — Дедюхин! И узнал об этом Столетов на свадьбе. Так или не так, Светлана Захаровна?! Теперь понятно, товарищи, какой между ними на станции банкет состоялся?

— Неясно, — бросил Балашов.

— Вам неясно, а мне ясно. Силком он Дедюхина напоил. За донос покатился... А если не так, пусть оправдается.

Столетов махнул рукой.

Тучка между тем надвигалась и курчавым краем своим шла уже над полями первой бригады.

— Захватила, а, Юрка... — Столетов толкнул его локтем. — Гляди, кукурузу захватила.

Лопатин посмотрел на него чужим взглядом и опустил глаза.

— Надо объяснить, товарищ Столетов, — проговорил он официально.

— Прямо мочи больше нет! — заголосила Ниловна. — Да скажи ты, Захар Петрович, сам — белый ты или черный? Ей-Богу, как скажешь, так и будет.

Столетов поднялся и, прикидывая в уме слова, начал:

— Светлана и Костиков наболтали вам...

Но Светлана не дала ему говорить.

— Я не болтала! — нервно перебила она. — Я Костикову в шутку сказала... по глупости... Да дайте мне сказать, не шумите!.. Каждый может проверить... Существует свидетель, колхозник из «Прогресса»... Они при нем пили! Давайте вызовем его, спросим...

— Да что же тут делается! — отчаянно прозвенел в толпе молодой голос. Все обернулись.

— Опомнитесь, взрослые люди! — кричала Любаша. — Захар Петрович два года у нас на виду, два года с нами, на те же трудовни существует, а мы должны чужака призывать, чтобы он нашего Захара Петровича нам объяснил? Да вы что? А если бы того мужика не было? Неужели бы мы Захара Петровича продали?

— Это кто? — спросил Балашов.

— Моя, — ответил Лопатин, улынувшись застенчиво и гордо.

— Активная она у тебя, — отметил Балашов.

Он обернулся, чтобы ободрить председателя, но того уже не было.

Столетов спешил на поля первой бригады. Ему не терпелось узнать, напоил ли дождь истосковавшиеся по влаге стебли. Сперва он старался идти степенно, пробовал насистывать «Наш паровоз...», но нетерпеливый мальчишеский характер давал себя знать, и ноги шагали все быстрее.

До поля было всего ничего: километра три, а сегодня казалось — все десять. Чтобы сократить время, Столетов решил не думать ни о дожде, ни о кукурузе. Собрание, наверное, закружится... Наверное, голосуют... Как издавна заведено, кто голосует «за», отходит вправо, кто «против» — налево. Девчата, наверное, шумят, смеются, перетягивают друг друга к себе, а приезжий дяденька с медалями покорно дожидается своей участи... Интересно, в какую сторону подалась Светлана: за отца или против?

Вот и кукурузное поле, по-прежнему сухое и неподвижное, как погост. Дождик прошел стороной, без толку вылился на асфальтовый большак и в речку. Но Столетов не хотел верить и упрямо, зло пошел на изволок, дошагал до самой межи.

Да, дождик прошел чуть правей, и только тень тучи углом накрывала кукурузу. «Ну что ж, подождем, — успокаивал себя Столетов. — Главное, погода переломилась. За первой тучкой придет и вторая и третья. Не сегодня, так завтра. Главное, погода переломилась».

— Захар Петрович! — послышалось издали.

Дымя пылью, мчался по горячему проселку километров на восемьдесят грузовик. В кузове, держась за кабинку, стояла Варя.

— Домой? — крикнул он с удивившей его самого надеждой.

— Домой! — счастливо прокричала она. — Провалилась!

Столетов притворно покачал головой и заторопился в деревню.

АНТОНОВ Сергей Петрович
ПЕТРОВИЧ

Повесть

Редактор С. С. Лесневский

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 10.04.91. Подписано к печати 20.05.91. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 2,98. Уч.-изд. л. 4,39. Тираж 90 000 экз. Заказ № 396. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
В ЭТОМ ГОДУ
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

- О. МАНДЕЛЬШТАМ «Четвертая проза»;
Е. РЕЙН «Непоправимый день»;
В. НИКОЛАЕВ «Горсовет по-американски»;
С. ЛИПКИН «Угль, пылающий огнем»;
Г. АКСЕНОВА «Театр на Таганке: 68-й и другие годы»;
И. ЭРЕНБУРГ «Неправдоподобные истории»;
Л. ЧУКОВСКАЯ «Сверстнику»;
Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ «Бессонница»;
К. БАЛЬМОНТ «Где мой дом?»
Ю. КАРАБЧИЕВСКИЙ «Незабвенный Мишуня»;
В. РЕЦЕПТЕР «До третьего звонка»;
Б. ЗАЙЦЕВ «Братья-писатели»;
М. КВЛИВИДЗЕ «Продолжение следует»;
Г. БЕЛАЯ «Затонувшая Атлантида»;
А. АНАНЬЕВ «Конец опричнины»;
Б. ПЕТРОВСКИЙ «Два человека — одно сердце»;
В. СЕЛЮНИН «Все у нас получится»;
Н. ЗАБОЛОЦКИЙ «История моего заключения»;
В. КОСТИКОВ «Сумерки свободы»;
Е. ДОБРОВОЛЬСКИЙ «Заполярные ангелы»;
А. ПЬЯНОВ «Утренние птицы»;
Г. РОЖНОВ «Всесоюзный розыск»;
А. БЕЛЫЙ «Первое свидание»;
В. КОРАЛЛИ «Куплетист из Одессы»;
Б. ОКУДЖАВА «Приключения секретного баптиста».